

Сады Кассандры

Наталья Солнцева

Дневник сорной травы

Наталья Солнцева
Дневник сорной травы
Серия «Сады Кассандры», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3088615

Дневник сорной травы / Наталья Солнцева: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-38830-9

Аннотация

Спустя десять лет после затянувшегося свадебного путешествия Юрий и Анна возвращаются в Санкт-Петербург. Удивительная вещь: за эти годы Анна совсем не изменилась, сохранив красоту и молодость. Но не только это изумляет ее мужа. Он получает анонимки о странном поведении жены. Неприятно ему и то, что Анна играет на бирже. Но более всего его пугает фигурка Гекаты, с которой Анна никогда не расстанется.

В руках частного детектива Артема Пономарева оказывается дневник серийного убийцы, который десять лет назад держал в страхе весь город.

Вечная молодость Анны, исповедь маньяка, проклятие, тяготеющее над родом Юрия Салахова – все это разные грани одной тайны, истоки которой кроются в античности, в древнем

культе Гекаты. Тот, кто разгадает эту тайну, станет повелителем своей судьбы.

Роман издается в новой редакции. Ранее роман выходил под названием «Сады Кассандры. Кольцо Гекаты».

В книгу вошел также отрывок из следующего романа «Танец семи вуалей».

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	100
Глава 9	114
Глава 10	130
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Наталья Солнцева
Дневник сорной травы

Дорогой читатель! Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего. Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину. Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним... С любовью, ваша

Наталья Солнцева

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

Глава 1

*Ужели верно старое реченье
Из мира темного, что сами боги
Своих даров назад не в силах взять?*

Алфред Теннисон

В прозрачном воздухе носились лепестки черемухи, опускались на влажные с ночи тротуары, горько пахли... Петербург, город-призрак, полный величия, славы и безумия, смотрел в бездонное небо глазами дворов-колодцев. Все так же шумели листвой его старые парки, неторопливо текла закованная в гранит Нева, и грозный медный император глядел вдаль... Старый тополь во дворе театрального дома по-

что засох, но жильцы жалели рубить его и спилили нижние сухие ветки. Дерево стало похоже на высоченный шест, покрытый скудной растительностью. Сам дом тоже преобразился. Его покрасили в нежно-зеленый цвет, и белые колонны нарядно смотрелись в блеске северного солнца. На исходе мая благоухала сирень, по дворам цвели рябина и шиповник, тянулась к свету зеленая травка. Таковую маленькую полянку, покрытую нежной порослью дикой ромашки, облюбовал Егор Фаворин для выгуливания своих персидских котов. Это была молодая пара, потомство Дианы. Животных звали Парис и Елена. Когда родились персидские котята, в театре у Фаворина репетировали «Прекрасную Елену», и музыканту не пришлось долго выбирать имена.

– Парис! Парис! Куда ты лезешь? – увещевал Егор молодого котика, который рвался к голубям и воробышкам, натягивая поводок. – Задушишься! Вот глупый! Думаешь, тебе удастся поймать этих хитрых бестий?

– Да отпустите вы их, господин Фаворин, пусть побегают! – добродушно посоветовал вышедший из подъезда черноусый мужчина спортивного телосложения. – Это же кошки! Они свободу любят, а вы их на поводок.

Егор криво улыбнулся, ничего не ответил. «Иди, иди себе, вездесущий ниндзя, – подумал он, провожая недобрым взглядом нового соседа. – Ишь, раскомандовался! Мордоворотами своими командуй!»

Ниндзей жильцы театрального дома прозвали Фарида

Гордеева. Он пару лет назад вернулся с Дальнего Востока и поселился в своей квартире на втором этаже, в той, где проживали студенты-арабы. Никто толком не знал, что он за человек, но все его побаивались. У господина Гордеева была сильная, развитая фигура, легкая пружинящая походка, жесткий взгляд и суровое выражение лица.

Ему исполнилось сорок два года. Он родился в Питере, в семье ученых-востоковедов. Все его детство прошло под влиянием культуры Японии, Китая и стран Дальнего и Ближнего Востока. Окончив школу, Фарид отслужил в армии, в Благовещенске. Там и остался. Плавал по Амуру, рыбачил, сплавливал лес, охотился, исколесил все побережье Охотского моря. Родители звали сына домой, напоминали о необходимости учиться, устроиться на нормальную работу. Но перспектива жить в городе, среди каменных высоток, асфальта и чахлой растительности, не привлекала молодого искателя приключений.

За годы жизни на Дальнем Востоке Фарид привык к вольным просторам, соленым морским ветрам и острому, пьянящему воздуху странствий. Во время путины он плавал на рыболовном судне «Хабаровск», а когда наступала зима, уезжал добывать пушнину. Денег у Фариды было достаточно. По совету своего друга, помощника капитана с «Хабаровска», он оставлял себе немного на жизнь, а остальное держал в банке Владивостока. Там же, на «Хабаровске», плавала женщина-врач, с которой у Фариды был роман. Ее звали Надя. От-

существование обязательств друг перед другом, совместных планов на будущее вполне устраивали обоих. Близкие и теплые отношения, от встречи к встрече. Они сразу договорились – никакой ревности, только любовь, короткая или длинная – как получится, лишь бы в радость. Так и складывалось. Они были счастливы снова увидеться, но расставались без надрыва и печали. Сама природа, величественная и невозмутимо-прекрасная, плавное течение Амура, необозримые морские горизонты придавали бытию естественность и простоту, от которой давно отвыкли городские жители. Фарид забыл, что такое суета, торопливость, вечная гонка за удачей, которая ускользала, подобно туманному мареву над сопками.

Та зима, в которую все случилось, выдалась на редкость холодная, ветреная и снежная. Фарид отправился на охоту один, без напарника. Его друг и помощник слег с воспалением легких. Пришлось оставить его в небольшом селении, у деда с бабкой; они уговаривали остаться и Фариду: «Негоже в такую погоду одному по лесу ходить».

Но Фарид их не послушал. Старик, кряхтя, помогал ему готовить лыжи, укладывать рюкзак и все ворчал, что молодежь нынче неуважительная пошла, самовольная и упрямая, а это к добру не приводит. Он проводил Фариду и долго смотрел ему вслед, молясь лесным духам, чтобы подсобили молодому охотнику. Но, видно, не дошли эти молитвы по назначению...

Занесенный снегом овраг обманчиво казался надежным. Фарид, очнувшись после падения, никак не мог сообразить, как он провалился вниз, ушибся и сломал лыжу. Сколько пролежал без сознания? Пытаясь выбраться, он обнаружил, что пострадала правая нога. Время шло к ночи, начиналась метель. Фарид успел два раза выстрелить из ружья, прежде чем снова потерял сознание.

Видимо, его жизни не суждено было прерваться. Громкий собачий лай, а затем крики хозяина, звавшего собаку, пробудили Фариду от тяжелого забытья. Над ним метнулся свет фонаря и склонилось скуластое морщинистое лицо с глазами-щелочками...

Старика-японца, который нашел раненого охотника и притащил в свой дом, звали Накаяма. Он жил отшельником в заброшенном поселке вместе с внучкой, миловидной девушкой по имени Йоко – тоненькой, как тростинка, с нежной кожей и блестящими влажными глазами.

Оказалось, что у Фариды сложный перелом ноги, много ушибов и сильная простуда. Хорошо, что Накаяма отлично разбирался в таких вещах – он аккуратно и профессионально сложил кости бедра, приладил к ноге деревянную дощечку и забинтовал. От простуды Фариду давали густой отвар из брусничных листьев.

На его вопросы, почему японцы живут в лесу, в полном одиночестве, старик и внучка не отвечали. Они вежливо улыбались, кивали головами и... молчали.

Через некоторое время Фарид смог самостоятельно встать и передвигаться по комнате. Дом, в котором жили Накаяма и Йоко, состоял из нескольких комнат. Спали на низких деревянных топчанах, покрытых меховыми одеялами. Судя по шкурам медведей и амурского тигра, Накаяма был искусным охотником.

– Старый тигр, больной, – объяснял старик, поглаживая роскошную полосатую шкуру. – Хотел умереть. Я ему помог. Природу понимать надо... она мудрее нас. Человек со своим умом, как с диковинной игрушкой, обращаться не умеет, а туда же – думает, что он царь! Чтобы быть царем, одного ума мало...

Фариду нравились разговоры с Накаямой длинными вечерами, когда от каменного очага шел жар, а за деревянными стенами завывала метель.

– Тебе двигаться надо, тело закалять, – однажды заявил старик. – Слабое оно у тебя, хилое. Мужчине таким быть не годится!

С этого дня Накаяма начал будить Фариду ни свет ни заря, вытаскивать из дому на мороз и заставлял выполнять всякие невероятные упражнения. Тренировки усложнялись от занятия к занятию, молодой человек выдыхался, валился с ног, а японец был бодр и неутомим, как двадцатилетний юноша.

Однажды Накаяма подошел к ложу гостя с палкой в руках. Принял изящную боевую стойку и начал выделять такие

чудеса, что у Фарида глаза на лоб полезли.

– *Дзёдо!* – сказал старик. – Хочешь научиться?

Обучаясь у Накаямы разным техникам ближнего боя, Фарид забыл о времени и своих болезнях. Зерна упали на благодатную почву: он и раньше увлекался восточными боевыми искусствами, но бессистемно, всем понемногу. Накаяма сразу уловил, что из парня выйдет толк. Японец, казалось, был счастлив, неожиданно заполучив способного ученика.

– Я уже думал, что мое умение умрет вместе со мной. Бог милостив! Он не допустил этого.

Накаяма обучил гостя различным техникам – *иаидо*, *дзёдо*, *кендо* и многим другим, подробно заставляя ученика постигать не столько приемы, сколько философию боевых искусств.

– Умение уничтожать врага должно уступить место воспитанию духа воина, – твердил японец. – Чтобы убить человека, не нужно быть мастером. Им нужно быть, чтобы в невероятных условиях сохранить себе жизнь. Стремись к достижению совершенной гармонии меча, духа и тела, выходи за пределы личного, сиюминутного, и ты познаешь тайны вселенной...

Фарид окреп, выздоровел и разительно изменился: не только его тело, но и его сознание стало другим. Весной, когда сошли талые воды, он вышел из домика Накаямы совершенно иным человеком. Прогуливаясь по лесу, вдыхая сладкие запахи просыпающейся природы, он увидел Йоко.

Девушка спускалась к ручью, чтобы набрать воды. Фарид с удивлением ощутил, как внутри него разгорается забытое желание...

Фарид начал оказывать Йоко знаки внимания. Старик-японец то ли не замечал этого, то ли предпочитал не вмешиваться. Молодая японка была нежна и застенчива, ее щеки часто заливал румянец смущения. Движения девушки, грациозные и легкие, сводили Фариду с ума...

В один из солнечных дней, когда старик ушел на охоту, между Фаридом и Йоко произошло то, что рано или поздно случается со всеми влюбленными. Утомленные страстью и долгими ласками, они забыли об осторожности, уснули и не заметили, как вернулся Накаяма, нагруженный дичью.

Когда Фарид вышел на порог, он увидел учителя, который невозмутимо ощипывал птицу, сидя на корточках. У молодого человека перехватило дыхание, кровь бросилась в голову. В сознании металась единственная мысль – знает или не знает? Конечно, знает! Если пришел недавно, то застал их спящими на одной постели.

– Ты почти здоров, – сказал Накаяма, поднимая узкие глаза на гостя. – Скоро сможешь уйти от нас.

Фарид растерянно молчал.

– Что молчишь? Разве нога еще болит?

– Нет, но... долго идти я не смогу.

– Через месяц сможешь. Кость срослась хорошо.

Их жизнь втроем потекла по-прежнему, но только внеш-

не. Накаяма так же занимался с Фаридом тренировками, ходил на охоту. Когда Йоко и молодой человек оставались одни, они продолжали любить друг друга. Накаяма переживал случившееся внутри себя, как подобает воину. И, хотя вроде бы ничего не изменилось, в сердце каждого поселились тревога и ожидание.

Однажды, когда Йоко развешивала белье во дворе, под деревянным навесом, старик сел рядом с Фаридом и сказал:

– Ты должен жениться на Йоко.

Молодой человек молча кивнул. Конечно. Разве может быть по-другому?

– Ты любишь ее? – спросил Накаяма.

В его голосе звучали нотки сомнения.

Фарид удивился. Он не задавался таким вопросом. Йоко была молода, красива, и ее темперамент, пробивающийся сквозь девичью стыдливость, необыкновенно возбуждал его. Но любовь... это, наверное, нечто другое, гораздо большее. Молодой человек понимал, что наступит время, и он уйдет отсюда, вернется к своей обычной жизни. Мысли о Йоко – что будет с ней? поедет она с ним или останется? – просто не приходили ему в голову. У Йоко он оказался первым мужчиной. Поэтому старик имел право говорить о женитьбе.

– Ты любишь ее? – повторил японец.

Молчание гостя ему не нравилось. Он обожал внучку, вырастил ее с младенчества и желал ей счастья. Родители Йоко погибли, девочка чудом осталась жива, и Накаяма вы-

нужден был скрываться вместе с ней. Он даже не смог отомстить убийцам сына и невестки: маленький ребенок лишил его этой возможности. Йоко выросла, расцвела, как роза; она была достойна любви. Молодой охотник украл ее сердце, и теперь пусть женится.

– Я согласен взять Йоко в жены, – едва слышно вымолвил Фарид. – Сделаю все, как вы скажете, учитель.

– Сделаешь, как я скажу? – с недоброй улыбкой переспросил Накаяма, и в его глазах-щелочках полыхнула молния. – Йоко моя внучка. Она красивая, умная девушка и достойна хорошего мужа. О чем ты думал, ложаешься с нею? Не уваливай! Я не этому учил тебя. Если делаешь что-то, умеешь отвечать за свои поступки. Я тебя спросил: ты любишь ее?

– Нет, – мучительно краснея, выдавил Фарид. – Но... она мне нравится. Я никогда не обижу ее.

Старый японец побелел от гнева.

– Честь Йоко некому защитить, кроме меня. Тебе не понять! Ты чужой для нас. Чужой... Но дороже чести – счастье моей внучки. Она мало видела людей, особенно мужчин. Только поэтому тебе удалось соблазнить ее. Так что не обольщайся на свой счет. Это ее ошибка. Йоко молода и успеет все исправить. Она выйдет замуж за мужчину, который полюбит ее.

Фарид хотел возразить учителю, оправдаться, но слова застряли у него в горле. Накаяма заметил его неуклюжую попытку и усмехнулся.

– Не суетись, – тяжело произнес он. – После нашего разговора я должен убить тебя. И если ты завтра же не уйдешь, я так и сделаю. Уходи от нас! Навсегда. Сегодня я не хочу огорчать Йоко твоей смертью. Но завтра... голос крови моих предков-самураев может оказаться сильнее рассудка. И тогда тебе конец. На этом побережье ты от меня не скроешься. Если я увижу слезы на лице внучки, то найду тебя и прикончу! Уезжай...

Фарид кое-как добрался до поселка охотников, передохнул и отправился во Владивосток. Уладив дело с переводом денег в Питер, он написал капитану «Хабаровска», что увольняется и срочно уезжает домой по семейным обстоятельствам. Он понимал – старик шутить не будет, и своей жизнью Фарид обязан Йоко, ее чувству к нему. Уже из городского аэропорта он послал прощальное письмо Наде.

Родители, вне себя от радости, встречали его с цветами. В Петербурге цвела сирень, по Неве плавали нарядные белые катера. У Фариды Гордеева, тридцатилетнего холостого мужчины, началась новая жизнь. Повидавшись с отцом и матерью, он махнул в Карелию, к другу, который давно звал в гости. Возвращаться в Питер не хотелось, и Фарид остался в поселке: работал лесорубом, сторожем, кем попало. Несколько лет прошло, как вязкий нескончаемый сон. Из дома пришла телеграмма: мама сообщала о смерти отца. Фарид собрал нехитрые пожитки и поехал в Петербург, теперь

уже надолго.

Не без помощи денег, которые он перевел из Владивостока, родители устроили ему квартиру в театральном доме. Пока сын отсутствовал, они сдавали жилье иностранным студентам. Фарид сперва решил пожить с матерью. Полгода сидел без работы, потом занялся частным предпринимательством – открыл ориенталистский клуб, больше похожий на секцию восточных единоборств. Никаких официальных титулов у Гордеева не было, зато навыки и техника оказались безукоризненными. Накаяма потрудился на славу, и у Фарида стали появляться клиенты. Он решил сделать в квартире ремонт, привез кое-какую мебель и переехал. Так в театральном доме появился новый жилец.

Первым, с кем он познакомился, был Николай Эдер, сын Берты Михайловны, умершей пару лет назад. Николаю было тоскливо одному, и он с удовольствием коротал вечера у соседа. Гордеев тоже был холост, но совершенно не огорчился по сему поводу, в отличие от Николая. Он любил расспрашивать о соседях, кто чем дышит. Особенно его заинтересовала пустующая квартира напротив.

– Там раньше жил старик Альшванг, режиссер, – объяснил Николай. – Он подарил квартиру Лизе, своей ученице, и они поселились тут с матерью. Потом Лиза попала под машину, ну и... Анна Григорьевна не могла жить здесь, где все напоминало ей о дочери, и квартиру пришлось продать. Ее купила какая-то женщина. Но жить не стала – приходила,

уходила. А через год уехала, и по сей день! Ключи вот только мне оставила, велела присматривать...

– Сколько квартира уже пустует? – поинтересовался Фарид.

– Лет девять.

– Ничего себе! – присвистнул новый сосед. – И большая там площадь?

– Огромная. В два раза больше, чем у нас. Гостиная одна – хоть в футбол играй! Но только...

– Что?

– Там... привидение! – выпалил Николай и покраснел. – Страшно очень.

Хохот Фариды был слышен по всему дому. В привидения он не верил...

Глава 2

Соня, бывшая невеста капитана милиции Артема Поно-

марева, оказалась права – цыганка Динара приворожила его. Сыщик совершенно потерял из-за нее голову. Несмотря на то что Динара была подозреваемой в деле, которое он расследовал, Артем бегал за ней по пятам, окружал вниманием и заботой, целовал и обнимал чуть ли не на глазах у всех и в конце концов решил на ней жениться. Как ни странно, Динара согласилась. Они расписались по-тихому, и сыщик переехал в квартиру жены, не дожидаясь окончания расследования. Это стоило ему работы. Из уголовного розыска пришлось уйти.

Нельзя сказать, чтобы Артем жалел о случившемся. У него было высшее юридическое образование, кое-какие сбережения, машина и красавица-жена, в которой он души не чаял. Подозрения по поводу Динары, о ее причастности к убийствам нескольких женщин, в том числе ее соседки и подруги Изабеллы Буланиной, так и остались подозрениями. Доказательств никаких не предъявили. Артем и Динара постепенно успокоились и зажили в свое удовольствие.

Узнав о том, что дочь вышла замуж, супруги Ратцель приехали из Израиля, привезли молодым подарки и кредитную карточку с приличной суммой на счете. Таким образом, у Артема появилась возможность не торопиться и подумать, чем ему хотелось бы заняться. Обстоятельства сложились так, что молодожены оказались без работы: Артема уволили, а Динара бросила ремесло ясновидящей. Она больше слышать ничего не хотела о картах, предсказаниях, ворожбе и

прочих магических штучках.

– А не открыть ли нам с тобой частную адвокатскую контору? – сказал однажды за ужином бывший сыщик.

– Ты шутишь? – удивилась жена. – Как ты себе это представляешь? Мент и ясновидящая оказывают адвокатские услуги!

– Почему нет? – не сдавался Артем. – Во-первых, я не простой мент, а образованный. Переквалифицируюсь, и дело в шляпе.

– А я?

– Тебе придется учиться. Заочно. Я буду помогать.

– Боже мой! – застонала Динара. – Опять учиться!

– Дорогая, не так страшен черт... Вдвоем мы справимся, вот увидишь.

Через год Артем уже арендовал офис, небольшой, но уютный. Поначалу клиентов было мало, но их число постепенно росло. Динара поступила на заочное отделение юрфака и по совместительству работала у Пономарева секретарем.

Дела в адвокатской конторе шли все лучше и лучше. Кроме консультаций и юридической помощи, некоторым клиентам Артем оказывал услуги, связанные с частным сыском. Репутация отличного профессионала сослужила ему хорошую службу. Честно говоря, работа детектива привлекала его гораздо больше, чем юридическая рутина. Сыск давал не только деньги, а, в первую очередь, остроту ощущений и возможность применить свой ум. Пономарев брался только

за те дела, которые давали пищу для размышлений.

Динара оказалась отличной помощницей. Она была отнюдь не чужда авантюрных наклонностей и прекрасно дополняла своего супруга. Их доходы росли, клиентура увеличивалась, а любовь друг к другу не угасала. Перед защитой диплома Динара родила супругу близнецов – мальчика и девочку.

– Учти, пожалуйста, – строго сказала она Артему, когда он привез ее с детьми домой, – тебе не удастся привязать меня к горшкам и пеленкам! Ищи няню.

Поиски подходящей воспитательницы для Марка и Марты, как называли близнецов, заняли два месяца. Когда няня Зоя Петровна вошла в курс дела и дети привыкли к ней, Динара взялась за диплом, защитилась и вышла на работу. На дверях офиса ее встретила табличка: «Адвокатская контора. Пономарев А. М., Пономарева Д. Л.». Супруг ждал ее с букетом цветов и шампанским. Они устроили настоящий праздник. Динара чувствовала себя счастливой и как возлюбленная, и как жена, и как мать, и как коллега. Ее жизнь стала такой полной, что едва не переливалась через край...

Все шло своим чередом. Дети подрастали, адвокатская контора процветала, а любовь Артема и Динары оставалась такой же трепетной, как раньше. Ей исполнилось тридцать девять, ему – сорок три, близнецам – пять. С каждым годом Марк и Марта становились все прелестнее – и все несноснее. А в общем, смысленные, веселые дети доставляли родителям

не только беспокойство, но и массу приятных минут.

Ранняя, бурная весна сменилась дождливым летом. В один из сырых и пасмурных дней Артем отправился на работу один. Близнецы болели и капризничали, поэтому Динара осталась дома. Пока он ехал, пошел дождь, и господин Пономарев изрядно промок, перебегая от места парковки до дверей офиса.

В приемной сидела женщина лет тридцати, очень расстроенная.

– Это к вам, Артем Михайлович, – кивнула в ее сторону секретарша, как будто дама могла прийти еще к кому-то.

Женщина испуганно подняла на Артема заплаканные глаза.

– Прошу! – он пригласил посетительницу в свой кабинет.

Клиентка была такой робкой и нерешительной, что адвокат предпочел сесть в кресло рядом с ней, вместо того чтобы занять место за своим столом.

– Я вас слушаю, – как можно мягче сказал он.

– М-меня зовут Галя... Галина Павловна.

– Артем Михайлович. Чем могу быть полезен?

– Я... мне посоветовала к вам обратиться одна знакомая. Мы вместе работаем. Она сказала, что вы можете мне помочь... если захотите, конечно. У меня не очень много денег, но... думаю, хватит, чтобы заплатить за ваши услуги.

– Простите за нескромность... Как зовут вашу знакомую?

– Людмила Станиславовна... Авдеева. Она сказала, что вы ее сосед и хороший сыщик.

– Бывший сыщик, – уточнил Артем.

– Это неважно... Видите ли, мое дело не совсем обычное. Я ничем не могу подтвердить свои слова, поэтому... никто не станет меня слушать. А Людмила сказала, что вы добрый, порядочный человек...

– Глупо было бы с моей стороны опровергать такое мнение, – улыбнулся адвокат.

Женщина вызывала у него симпатию. Она сидела в кресле очень прямо, сжав коленки, и теребила ремешок сумочки.

– Говорите смело, что вас беспокоит, Галина Павловна, – подбодрил ее Пономарев. – Поверьте, я ко всему привык.

– Вы подумаете, что у меня большое воображение, или... Впрочем, какая разница. Раз я уже пришла... – она глубоко вздохнула и посмотрела на большие часы над столом. – Не буду зря отнимать у вас время. Дело в том... что я боюсь! Прямо как в фильме про Шерлока Холмса. Помните?

Артем терпеливо кивнул.

– Может быть, со стороны это и смешно, только мне не до шуток!

– Понимаю вас, Галина Павловна. Продолжайте, пожалуйста.

– Я... боюсь одного человека. Он хочет меня убить!

– Откуда вы знаете?

– Чувствую! У меня интуиция...

Артем не выдержал и рассмеялся.

– Вы смеетесь... а я перестала спать по ночам.

– Простите.

– Не извиняйтесь, – вздохнула посетительница. – На вашем месте любой бы смеялся. Поэтому я никому и не говорю. Даже Людмила не знает, по какому вопросу я к вам обращаюсь. Я ей сказала только, что у меня проблема и мне нужен совет опытного адвоката.

– Почему вы решили, что кто-то собирается вас убить? Вы можете назвать имя этого человека?

– Нет, – она покачала головой. – Я не могу назвать его. Ведь все, что я думаю, – только предположения, догадки. Дайте мне совет, как себя вести, чтобы... этого не произошло. Я имею в виду... убийство...

Артем задумался.

– Послушайте, Галина Павловна, – осторожно начал он. – Вы должны хоть что-то мне рассказать. Кто этот человек? Каким образом он вам угрожает? А главное, по какой причине?

– Он... мы работаем в одной фирме, «Альбион». Этот человек следит за мной. Он... смотрит на меня, а когда я ловлю его взгляд, отводит глаза. Однажды я допоздна задержалась в офисе. На улице было темно и пустынно. Я шла пешком, и через некоторое время услышала, что за мной едет машина. Она медленно двигалась с потушенными фарами. Я узнала его машину. Не знаю почему, мне стало так страшно! Я сразу

побежала по дороге и стала ловить такси...

– Может, он просто ухаживает за вами? – предположил Артем. – С мужчинами такое бывает. Робость, боязнь получить отказ... из-за подобных комплексов они делают множество глупостей.

– Нет, что вы! – горячо возразила посетительница. – Он совсем другой, пользуется успехом у женщин, и вообще... достаточно уверен в себе.

– Как давно вы работаете в «Альбионе»?

– Пять лет.

– И все это время он следит за вами?

– Это началось полгода назад. У нас в офисе устроили вечеринку – праздновали день рождения сотрудницы. Мы с ней дружим. Я помогала ей убирать со стола и мыть посуду, когда все уже ушли. Потом она пошла в туалет, а я одевалась. В холле было темно. И вдруг... от стены отделилась тень и двинулась прямо ко мне. Я буквально приросла к месту от страха. Тут приятельница вышла из туалета, и свет упал на того, кто находился в холле. Это оказался... тот человек, о котором я говорю вам. У него в руках был шарф, приготовленный, чтобы накинуть его мне на шею. Не знаю, почему я так подумала. Но он собирался убить меня! Он не ожидал, что в офисе есть кто-то еще.

– Интересно... и как он повел себя?

– Он? Никак... Улыбнулся и сделал вид, что надевает шарф. Сказал, будто вернулся помочь нам закрыть двери и

включить сигнализацию.

– А ваша приятельница? Она что-нибудь заметила?

Галина Павловна отрицательно покачала головой.

– Думаю, нет. Я ей тоже ничего не сказала. Вдруг мне это только кажется?..

Артем делал свою обычную работу, но как-то рассеянно. Отчего-то визит Галины Павловны напомнил ему историю, на которой он давно поставил крест.

Бородатое, ухмыляющееся лицо господина Вольфа встало перед ним, как наяву. Злобные проделки мага испортили тогда Пономареву много крови. Беспрепятственный стук по потолку, назойливые вороны, гусеницы, которые то ли были, то ли почудились ему под воздействием «колдовства»...

С каким удовольствием Артем выполнил просьбу Динары и накостылял Вольфу! Это оказалось совсем нетрудно. Не привыкший к подобным вещам, Карл Фридрихович растерялся и по-настоящему струсил. Драться он не умел, и пара крепких затрещин от неизвестного человека в маске, подкараулившего его у собственного подъезда, привели Вольфа в ужас. Второго предупреждения не потребовалось. Господин маг решил, что ему пора сменить северную столицу на Москву-матушку.

Артем время от времени наводил справки. Вольф осел в Москве и возвращаться в сырой туманный Петербург не намеревался.

Убийства женщин прекратились, но никто не связывал это с отъездом Вольфа. Динара оказалась права – маньяк ушел из жизни, оставив в назидание потомкам свою исповедь, так что к гибели Вероники Лебедевой, Авроры Городецкой и Изабеллы Буланиной маг действительно не имел отношения.

По случаю, записки серийного убийцы попали Пономареву в руки. Отец прекрасной Авроры мог быть спокоен: человек, лишивший жизни его дочь, умер. А сыщик выполнил свой долг перед отцом девушки и честно отработал деньги, которые платил ему Городецкий.

Почему же эта история снова всплыла в памяти Артема? Он как раз размышлял над этим, когда позвонила Динара. – Ты скоро приедешь домой? – устало спросила она. – Эти хулиганы меня замучили! Устроили на кухне вигвам и взялись разводиться в нем огонь! Представляешь? Хорошо, что я вовремя услышала запах паленого верблюда.

– Какого верблюда?

– Они сделали вигвам из верблюжьего одеяла!

Пономарев засмеялся, чем сильно разозлил супругу.

– Завтра сам с ними останешься! – сердито сказала она. – Поводов для веселья будет, хоть отбавляй!

– По-моему, они болеют, и им положено лежать в постели.

– Вот приедешь и уложишь эту сладкую парочку! Жду не дождусь.

– Хорошо. – Артем посмотрел на часы – семь с минута-

ми. – Я еду. Что-нибудь купить?

– Молоко, кефир, хлеб и шоколадные вафли для детей.

Будь добр, поторопись!

– Лечу!

Пономарев действительно спешил. Он заехал в гастроном; уже собираясь к выходу, решил купить фруктов и бутылку сухого вина.

– По какому случаю будем пить? – поинтересовалась жена, когда он ввалился в квартиру, мокрый, с пакетами и бутылкой в руках.

– По случаю дождя, – сказал он, обнимая Динару. – Где бандиты?

Марк и Марта показались из детской с возгласом «Папа пришел!» и бросились к пакетам с едой.

– Ты что, целый день их не кормила?

Из кухни ощутимо попахивало паленой шерстью.

– Если их еще и кормить, они весь дом сожгут!

После ужина дети быстро угомонились. Все-таки они не очень хорошо себя чувствовали: к ночи поднялась температура, и Артем еле уговорил близнецов выпить аспирина.

Динара легла, а он пошел в душ. Стоя под струями горячей воды, Артем снова подумал о странной посетительнице. Она работала в «Альбионе», как и Людмила Авдеева, их соседка. Десять лет назад по делу о серийных убийствах проходил в качестве подозреваемого Никитский, владелец фирмы.

В Пономареве проснулся сыщик. Он наскоро вытерся и,

стараясь не шуметь, отправился в гостиную. То, что ему нужно, было запрягано на самой верхней полке шкафа, под шляпными коробками.

Он нашел целлофановый пакет с ксерокопией «исповеди маньяка» и похвалил себя за предусмотрительность. Еще тогда он знал, что эти записки сослужат свою службу...

Глава 3

В детстве меня прозвали Принцем.

Я был долгожданным и любимым ребенком. Отец мой, известный профессор медицины, души во мне не чаял и мечтал, чтобы я пошел по его стопам. Но медицина меня не привлекала. Наверное, на мой характер повлияли мама и тетя Лавиния, мамина старшая сестра, которая рано овдовела и всю свою жизнь, до самой смерти, прожила с нами в огромной московской квартире.

Мама имела некоторый литературный талант, отчасти передавшийся и мне. Она писала научные статьи в толстые журналы. По вечерам она сидела в кабинете за столом и стучала на старой немецкой печатной машинке. На столе горела лампа с кремовым абажуром, мягко освещая мамин силуэт. Такой она мне и запомнилась – гладко причесанная, со склоненной головой и ажурной шалью на плечах.

Мама и тетя Лавиния не могли на меня налюбоваться, баловали. Надо сказать, я был действительно прелестным ребенком – живой, румяный, голубоглазый, с кудрявыми шелковистыми волосами. Принц! Настоящий маленький властелин в ограниченном пространстве профессорской квартиры семейном мирке. Я привык к поклонению, обожанию и считал, что в полной мере всего этого заслуживаю. А поскольку я был мальчиком, то мне полагались внимание, забота и восхищение девочек и женщин.

Поначалу так и было. Все женщины, окружавшие меня, дарили мне свою любовь – мама, тетя Лавиния, учительни-

ца музыки, которая давала мне уроки игры на скрипке, сердобольные соседки, приятельницы родителей и их ухаживаемые дочери. А потом...

Впрочем, не буду забежать вперед.

Я рос послушным. У меня были многие способности – к музыке, литературе, иностранным языкам, но они странным образом рассеивались по мере того, как я взрослел. Я научился читать в четыре года, к пяти сносно пикивал на скрипке, в семь сочинял наивные стихотворения о елках, засыпанных снегом, кремлевских башнях и любви к Родине.

Мама, папа и тетя Лавиния торжественно отвели меня в первый класс. Я тоже радовался, думая, что теперь обрету новых поклонников моей незаурядной внешности и талантов. Не знаю, как это получилось, но только учеником я оказался самым обыкновенным. Школьная учительница писала в мой дневник послания для родителей, чтобы они «обратили внимание», «оказали помощь» и «приняли меры». В конце концов учеба наладилась, но я понял, что ни одноклассники, ни учителя не в состоянии оценить мой талант. Они просто зеленели от зависти и не пропускали ни одной возможности показать мне, насколько я глуп, ленив и избалован. Разве можно простить такое?

Тетя Лавиния была старше мамы и умерла, когда я перешел в шестой класс. До этого я никогда не видел покойников и очень боялся. Но тетя Лавиния в гробу произвела на меня совсем иное впечатление, чем я ожидал. Она лежала блед-

ная, неподвижная и спокойная, какая-то помолодевшая, с разглаженными морщинами, и напоминала Офелию. Я сказал об этом отцу, но он нахмурил брови и подозрительно уставился на меня.

– Софьюшка, – обратился он к заплаканной матери, – мальчик перенервничал. Дай ему успокоительного!

После похорон в нашей семье произошло знаменательное событие. Отцу предложили заведовать кафедрой медицинского института в Питере, и мы начали собираться, укладывать вещи. Квартиру на Алексея Толстого решили не продавать. Кто знает, как пойдут дела в северной столице? Хоть будет куда вернуться.

На новом месте отца встретили с уважением, предложили служебную жилплощадь. Родители обрадовались. Квартирка была маленькая, но со всеми удобствами и отдельной кухней. Обитал в ней, в основном, я. Отец с утра до ночи пропадал на кафедре, мама в издательстве, куда она устроилась, а я был предоставлен сам себе. Лето кончалось, и мне предстояло идти в восьмой класс. Как меня встретит незнакомая школа?..

Первое сентября выдалось солнечным и прозрачным. Теплый ветерок трепал банты первоклассниц, пионерские галстуки и тяжелое школьное знамя алого шелка с желтой бахромой по краям. В тот суматошный и тревожный день я увидел Ее. Не то чтобы я мечтал об этом – я был уверен, что Принц должен встретить свою Принцессу.

Я понял, что эта девушка – избранница моего сердца, и не сводил с нее глаз. Ее светлые волосы спускались до талии, а глаза сияли, как два сапфира. Она училась в том же классе, что и я.

Мой первый день в новой школе был похож на волшебный сон. Вернувшись домой, я чуть не плакал из-за того, что не смогу видеть свою избранницу, любоваться ее стройной фигурой, нежной улыбкой. Правда, несмотря на все старания, моя Принцесса ни разу не обратила свой взор в мою сторону. «Она еще не знает меня, не догадывается о моей любви к ней», – решил я и принялся строить планы, каким образом привлечь ее внимание. Слезы душили меня, я не мог заснуть, постель казалась горячей, как огонь. Я встал и распахнул окно. Из синей темноты на меня хлынула прохлада осенней ночи. Я схватил ручку, тетрадный листок и прямо на подоконнике, залитом лунной, написал восторженное любовное стихотворение. Слова лились из моего сердца без всякого труда, рифмы складывались сами... О, какая то была дивная, чудная ночь! Воспоминания о ней до сих пор согревают мою душу.

Едва дождавшись утра, я побегал в школу. Дворники шаркали метлами по усыпанному листвой асфальту. В воздухе стоял запах бензина и мокрой пыли.

– Ты чего так рано? – недовольно заворчала уборщица, впуская меня в темный и гулкий школьный вестибюль.

– Соскучился, – важно ответил я, вытирая ноги о poste-

ленную у дверей мокрую тряпку.

– Ну, давай... – неопределенно пробормотала она, глядя, как я поднимаюсь по лестнице на второй этаж.

То отроческое ожидание, когда придет Она, до сих пор самое сладостное воспоминание моей жизни. Я мысленно представлял, как увижу Ее, подойду и с легким поклоном вручу мое любовное признание...

– Ты чего не спишь?

Артем вздрогнул и поднял голову. На пороге кухни стояла сонная Динара, удивленно глядя на него.

– Да вот, мемуары читаю...

– Мемуары?.. – спросонья она ничего не могла понять. – Знаешь, который час?

– Догадываюсь.

Артем потянулся, взглянул на часы – третий час ночи. Динара села рядом, сложила на коленях руки, вздохнула.

– Дети плохо спят, ворочаются, стонут...

– Температура есть?

– Вроде есть, небольшая.

– Ничего, – он обнял ее за плечи, – маленькие дети иногда болеют. Это пройдет.

– Что это?

Листы, исписанные красивым, аккуратным почерком, показались ей знакомыми.

– Старая история...

Артему не хотелось тревожить жену, говорить о том, что призраки прошлого вновь появились в их жизни.

– Помнишь господина Вольфа? – вдруг ни с того ни с сего спросила Динара.

– Еще бы! – улыбнулся Артем. – Дуэль в подворотне. Такое не забывается. А почему ты заговорила об этом?

– Не знаю, – она зябко повела плечами. – Как ты думаешь, где он сейчас?

– Вольф? В Москве.

– Ты уверен?

– Разумеется, дорогая. Я проверяю время от времени. Милейший Карл Фридрихович проживает в Москве, имеет обширную частную практику, от клиентов нет отбоя. Тебя что-то беспокоит в связи с Вольфом?

– Понимаешь, мне не нравится наш новый сосед...

– Кто? Фарид? Ну, он-то тебе чем не угодил? Мужик долго жил в глухомани, разговаривал в основном с медведями, политесу не обучен. Только и всего.

– Ты не понял. Фарид ни при чем. Мне не нравится профессор Рубен.

– Альвиан Николаевич? – удивился Артем. – Бога ради, в чем дело? Человек занимается наукой, историей, преподает... Что ты видишь в этом плохого?

– Ничего, но... он чем-то напоминает Вольфа. Тебе не кажется?

Пономарев задумался. События давно минувших дней

упорно и с разных сторон вклинивались в сегодняшнюю реальность.

После убийства Изабеллы Буланиной ее квартира долго стояла пустая. Дурные слухи отпугивали покупателей, и престарелые родители Изабеллы совсем было потеряли надежду. Наконец им повезло: три года спустя квартиру приобрел профессор Рубен, одинокий мужчина лет шестидесяти. Альвиан Николаевич оказался интеллигентом старой закалки. Всю свою жизнь он посвятил одной страсти – Истории. Непрерывные разъезды по «святым местам», как он называл археологические раскопки или остатки древних поселений, сделали его жизнь длинным, беспокойным кочевьем, так что семьей обзавестись не получилось.

Профессор приехал в Петербург из Прибалтики, где преподавал историю, писал книги по этому предмету и приобрел некоторую скандальную известность: он по-новому освещал давние события и по-своему истолковывал факты. Студенты побаивались его строгости, но любили за стремление профессора относиться к истории не как к застывшей, незыблемой догме, а творчески. История в его устах из скучной науки превращалась в сенсационное открытие или захватывающий детектив.

Профессор поселился в квартире погибшей женщины вместе с двумя собаками – свирепыми и преданными хозяину доберманами, так что у Фаворина появился новый повод для волнения. С появлением доберманов музыканту при-

шлось прогуливать своих роскошных персов исключительно на поводке, дрожа от страха. Хорошо, что профессор выводил собак в строго определенные часы.

Доберманов боялись все соседи, кроме Фариды, который не обращал на них внимания. Динара строго-настрого предупредила няню близнецов, чтобы дети ни в коем случае не дразнили собак и не приближались к злобным псам ни под каким видом. Хотя господин Рубен уверял, что «собачки не кусаются», ему никто не верил.

Чем профессор мог напоминать Вольфа, Артем не понимал. Вольф был высокий, черный, бородатый и хромой, а Рубен – среднего роста, светловолосый, благодаря чему седина была малозаметна, полноватый, вполне добродушной наружности. Собак он держал свирепых, но это как раз объяснимо. Человека целыми днями нет дома, квартира набита старинными вещами, собранными на протяжении всей жизни, кто-то же должен все охранять! Тем более первый этаж. Изабелла не зря боялась, решетки на окна поставила.

– О чем ты думаешь? – спросила Динара.

– О профессоре Рубене...

– И что ты о нем думаешь?

– Чем, по-твоему, он похож на Вольфа?

Динара сосредоточенно сдвинула брови, и ему сразу захотелось поцеловать ее, прижать к себе. Когда она становилась серьезной, он еще больше любил ее.

– Понимаешь... у него взгляд странный. Один раз я услы-

шала, как он со своими собаками разговаривает. У меня мороз по коже пошел!

– И что же он говорил?

– Знаешь, как его доберманов зовут?

Артем пожал плечами. Еще не хватало интересоваться доберманами Рубена!

– Какая разница...

– Ты сначала послушай, – перебила его Динара. – Собак зовут Танат и Кера!

– Ну и что? – удивился Артем. – Не называть же доберманов Тузик и Жучка? Альвиан Николаевич человек незаурядный, эрудированный, такие люди обычно изобретательны даже в мелочах.

– Тебе известно, что означают эти имена? – настаивала жена.

– В юриспруденции таких терминов нет, – пошутил Артем и тут же пожалел об этом: Динара по-настоящему рассердилась.

– Может, мне вообще не стоит тебе ничего говорить? – вспыхнула она, сверкая глазами, как разъяренная кошка.

– Ну прости, – он сменил тон и положил голову жене на грудь. – Я просто не выспался. Так что тебя настораживает?

– Ладно, – смягчилась она. – Придется повысить твой интеллектуальный уровень. Неуч! У собак очень странные имена. Танат – бог смерти у древних греков. От него веет могильным холодом; он прилетает к изголовью умирающего,

чтобы срезать своим мечом прядь волос с его головы и исторгнуть душу. А мрачные керы всегда рядом с ним – носят на своих крыльях по полю битвы и пьют из открытых ран сраженных воинов еще теплую кровь.

– Ужас какой! – усмехнулся Артем. – Ты хочешь сказать, что доберманы профессора – греческие божества, принявшие столь низменную форму жизни?

– Тьфу на тебя! – засмеялась Динара, у которой пропала охота злиться. – Не болтай! Я только хочу обратить твое внимание, что добрый человек так своих псов не назовет. Мелочи могут много рассказать об истинной сути человека. Профессор Рубен носит маску добряка и рассеянного интеллектуала, который увлечен любимой наукой. А на самом деле... под видом чудаковатого старичка скрывается очень умный и опасный человек. Ты посмотри ему в глаза! Мне как-то удалось перехватить его взгляд, когда профессор не ожидал и потому не успел придать ему выражение напускной доброты.

– Ты преувеличиваешь, – возразил Артем.

Но слова жены заделали его. И впрямь, в господине Рубене есть нечто необычное. Обидно, что Динара заметила это первая. Впрочем, экстравагантное поведение отнюдь не редкость в людях, подобных профессору.

– А как он разговаривал со своими собаками?

– Собаки рычали и скребли дверь Фаворина, – объяснила Динара. – Кошачий запах приводит их в бешенство. Я услышала, выглянула в глазок и случайно поймала взгляд про-

фессора – он поднял голову и смотрел вверх, на второй этаж, внимательно-внимательно, будто прислушивался к чему-то. Потом оттащил собак и говорит им: «Надо ждать, мои хорошие! Наберитесь терпения. Скоро наши надежды сбудутся!» И повернулся ко мне, будто почувствовал, что я за дверью стою, – выражение лица такое спокойное и все понимающее: мол, любопытничаешь? Ну-ну... Затем чуть покачал головой... дескать, не суй нос, куда не просят!

– Может, человек не любит, когда за ним подглядывают...

Динара кивнула.

– Конечно. В таком случае чутье у него почище, чем у доберманов. Они были заняты котами и больше ни на что не реагировали. А Рубен как будто увидел меня сквозь дверь... И что, по-твоему, значат его фразы?

– Я ничего зловещего в его словах не нахожу. Человек надеется, ждет... это естественно.

– А почему он с собаками разговаривает?

– Ну, дорогая, с кем же ему еще разговаривать-то? Живет он один, родственников и друзей у него, похоже, нет. Одинокие люди для того и заводят животных, чтобы общаться с ними.

– Действительно, – согласилась Динара. – Наверное, у меня слишком богатое воображение. Альвиан Николаевич бывает довольно милым, подарил близнецам пробковый шлем, подводные очки, книги с картинками о путешествиях.

– Вот видишь! – обрадовался Артем. – У людей полно

странностей. Ничего страшного в этом нет. Пошли спать...

Детям к утру полегчало, они перестали метаться и ровно сопели в своих кроватках. Динара тоже уснула. Зато Артему так и не удалось сомкнуть глаз. Вчерашнее посещение Галины Павловны и разговор с женой не выходили из головы.

Давняя история, кажется, не закончилась. Почему вдруг всколыхнулось прошлое? Что связывает Галину Павловну, профессора Рубена, убитых женщин, Вольфа?

Профессор, скорее всего, ни при чем – просто у Динары нервы разыгрались. Подозрительные личности к соседу не ходят, Артем бы заметил. Увлекается ли историк оккультизмом и магией? Точно утверждать нельзя, но видимых признаков такого интереса не наблюдалось. Имена собак? Тут, скорее, просто эксцентричность.

Вольф в Москве, и думать о нем нечего. Если бы он и приехал в Питер, то второй раз спотыкаться о тот же камень ему не захочется. Он не настолько глуп. Мечь? Но ведь во время потасовки Артем был в маске...

Стоп, сказал он себе. При чем тут мечь? Кто кому собирается мстить? Столько лет прошло, и вдруг Вольф решил отыграться? Почему так долго ждал? Нет, не вяжется... А что, собственно, произошло? Подумаешь, чувствительная дамочка решила, будто один из коллег хочет ее убить.

Во-первых, она может быть психически неуравновешенной, истеричкой. Артем знал такой сорт женщин. Стоит мужчине сделать шаг в их сторону, как они тут же вопят,

что их насилуют. А два шага расцениваются не иначе, как покушение на убийство. Вчерашняя посетительница, правда, не производит впечатления чокнутой, но... внешний вид обманчив.

Похоже, что женщина действительно напугана. Однако убийство – вещь серьезная. Чтобы на него решиться, должны быть веские основания. Ревность, корысть или страх – три основных мотива, если исключить душевное расстройство.

Галина Павловна работает в фирме «Альбион», которой владеет Никитский. Его бизнес процветает, с женой Дмитрий Сергеевич пока разводиться не собирается – в общем, у него все хорошо. Кроме того, что один его сотрудник хочет убить другого. Если верить Галине Павловне.

Как же ей помочь? Что посоветовать?..

Глава 4

Только вчера перед ее глазами лежали величественные руины Рима, а сегодня уже моросил дождь над бледными в свете серого дня улицами Петербурга.

Анне казалось, что вот-вот проглянет из-за туч яркое, ла-

зурное итальянское небо. Она задернула тяжелую штору и отошла от окна. Кончилось их с Юрием свадебное путешествие, длиною почти в девять лет... Муж уехал в свой офис, а она осталась дома. Хотелось полежать, отдохнуть после утомительного перелета.

Анна вспоминала свое скоропалительное замужество: платье из жемчужно-серого шелка, шампанское и огромные букеты белых лилий, которыми осыпал ее Юрий. Как давно это было! В совсем другом городе, под другим небом. Или это она изменилась с тех пор?

Родители Юрия опоздали на бракосочетание единственного сына, но все же приехали. Будущая свекровь вытирала слезы, которые безостановочно лились из ее глаз. Она прикрывала букетом красное, опухшее от рыданий лицо. Не такую невестку она хотела, не о таком счастье для Юрочки мечтала! Да ничего не поделаешь... нынче дети со старшими не считаются, самовольничают. Будущий свекор был растерян, расстроен скандальным поведением супруги. Он понимал, что они портят праздник, и чувствовал себя неловко.

– Будь счастлив, сынок! – скороговоркой выпалил он, стараясь побыстрее затеряться в толпе гостей.

Под взглядом невестки он робел и терял дар речи. Анне было смешно.

После свадьбы Юрий предложил поехать в швейцарские Альпы или на Лазурный берег, но Анна отказалась.

– Я купила квартиру, – заявила она. – Ты мне сам ее по-

дарил! Теперь я хочу пожить в ней.

Салахов опешил.

– Но... дорогая... там не мешало бы ремонт хороший сделать, мебель...

– Ничего не надо, – отмахнулась она. – Пусть будет, как есть.

– А... нам что, придется жить отдельно? Я у себя в квартире, а ты...

– Нет, конечно! Не говори глупости, – засмеялась Анна. – Несколько дней поживем у тебя.

– *Несколько дней?..*

Юрий ничего не понимал, а она улыбалась. Ей было весело!

– Я же говорила – со мной не соскучишься. Я тебя предупреждала?

Он кивнул. Анна действительно предупреждала, и Юрий на все соглашался. На все! То, что придется выполнять обещание в первые же дни совместной жизни, во время медового месяца, просто не приходило ему в голову.

Супружеская жизнь преподносила сюрприз за сюрпризом. Анна настояла на том, что будет три дня жить в новой квартире, а три дня с Юрием.

– Почему мы не можем поселиться там вдвоем, раз уж тебе так хочется?

– Не можем, – ответила Анна и больше ничего объяснять не стала.

Так они прожили около года. Господин Салахов не выдержал и нанял охранников для жены. Они старались держаться в отдалении и только сообщали Юрию о том, что все в порядке. Анна почти никуда не выходила из подаренной квартиры.

«Что она там делает?» – ломал голову Юрий, но спрашивать не решался.

Несмотря на это, он сильнее и сильнее влюблялся в свою странную жену и был несказанно счастлив, когда она предложила съездить за границу.

– Куда тебе хочется? – радостно спросил он.

– В Англию! – не колеблясь, заявила Анна. – Будем отмечать годовщину свадьбы в Лондоне.

Юрий опомнился. Оказывается, прошел целый год, как они поженились! Он и не заметил. С Анной жизнь текла как бы вспять, полная загадок и приятного волнения.

Они уехали в Англию. Анна чуть ли не каждый день ходила на фондовую биржу, смотрела, как идет торговля ценными бумагами. «Хочет разобраться, чем я занимаюсь!» – думал Юрий, и ему было хорошо от этой мысли. У мужа и жены должны быть общие интересы.

Через некоторое время Анне надоела биржа, и она попросилась в Грецию, к Эгейскому морю. Ни Альпийские курорты, ни Париж ее не привлекали. Юрий пытался объяснить, что он не может надолго оставить дела, но она как будто не понимала, о чем идет речь.

– Ах, ну конечно, поезжай! – сказала Анна однажды утром, после того как Юрий полчаса говорил по телефону с управляющим и обсуждал бизнес в Петербурге. – Тебе нужно присматривать за твоими фирмами.

– А ты? – поразился он. – Разве ты не едешь вместе со мной?

– Отвези меня в Афины, – бросила она, как нечто само собой разумеющееся. – Я буду ждать тебя там.

Их жизнь превратилась в сплошные разъезды. Юрий летал в Петербург, иногда Анна соглашалась сопровождать его, но больше, чем на неделю, оставаться не хотела. Квартира в театральном доме, которая была так важна для нее, стояла запечатая, и Анна даже не вспоминала о ней.

Так прошли годы. Господин Салахов возмужал, пополнел, на его висках появилась седина. Ему исполнилось тридцать девять. Анна же хорошела, не замечая времени, поглощенная своими думами. Она, казалось, решала внутри себя какую-то задачу, такую же странную и непонятную, как и она сама...

Неожиданно Анна заявила, что хочет вернуться домой, и начала укладывать чемоданы. Юрий боялся верить счастью. Он ходил вокруг жены, как охотник, старающийся не спугнуть рябчика. Вдруг передумает? Скажет, что теперь ей хочется на Канары или в Таиланд? Но она не передумала.

И вот они в Питере. Небо висит над самыми крышами домов, в каналах стоит свинцовая вода, моросит дождь...

Анна мерила шагами комнату и решала, звонить Юрию или нет. Ей захотелось сходить в театральный дом, посмотреть, как там ее квартира. Она решила не откладывать и вызвала такси.

Войдя в подъезд, Анна Наумовна чуть не попала в зубы двум здоровенным доберманам. Их хозяин застыл как вкопанный, раскрыв рот от удивления, когда псы заскулили и попятились, давая незнакомой даме дорогу.

– Не бойтесь, мои хорошие! – небрежно бросила она, легко поднимаясь на второй этаж.

Из дверей ее квартиры вышли два накачанных парня со спортивными сумками в руках, побежали вниз.

Анна Наумовна тронула дверь, которая оказалась открытой. В прихожей на вешалке висели несколько летних курток, стояли кроссовки и мужские туфли. Из большой гостиной раздавались странные звуки. Госпожа Левитина медленно пошла по коридору и заглянула туда, откуда были слышны хлопки, отрывистые выкрики и удары.

Гостиная оказалась спортивным залом, где тренировались несколько молодых парней. По стенам висели зеркала и шведская стенка; пол был устелен матами, в правом углу – канат и несколько снарядов для отработки ударов.

– Вам кого? – спросил мужской баритон у самого ее плеча.

– Хозяина, – ответила Анна, улыбаясь.

– Это я! – представился крепкий, одетый в белое кимоно мужчина. Черные усы шли к его моложавому, гладко выбри-

тому лицу. – Фарид Гордеев. – Он слегка поклонился.

– Я бы хотела научиться кое-чему. Время беспокойное... могут на улице пристать. Что-нибудь дамское – изящное, незаметное, не требующее больших усилий, но с летальным исходом. Последнее условие обязательно.

Посетительница смотрела на Фариду чистыми, сверкающими глазами цвета сливы и ждала ответа. Он молчал. Женщина была прелестна – с хорошей фигурой, одетая в дорогой светлый костюм, умело подкрашенная.

– Д-да, пожалуйста... – ответил он, чувствуя в горле спазм, и неожиданно закашлялся.

– Когда я могу прийти?

– Понимаете... – он замялся. – У нас нет женской секции.

– И не надо! Я предпочитаю индивидуальные занятия.

– Хорошо. По утрам, с девяти до одиннадцати вас устраивает?

– Разумеется...

* * *

Любочка, секретарша Юрия Салахова, за то время, что шеф с супругой ездили по заграницам, пыталась изменить свою жизнь. Она располнела, воспринимая очень болезненно каждый лишний килограмм, покрасила волосы в ореховый цвет, сменила стиль одежды с молодежного на классический и даже побывала замужем. На работе ее стали вели-

чать Любовь Тимофеевна, что ей не нравилось.

Любочке исполнилось тридцать лет – то есть она подошла к тому роковому рубежу, когда надежды начинают таять, красота вянет, вес растет, а характер портится. Недоумение по поводу собственной невезучести не давало ей покоя ни днем, ни ночью. Ведь поначалу у нее все, абсолютно все было для счастья! Прекрасная внешность, ум, образование, удачное место работы, окружение состоятельных мужчин, среди которых самым перспективным ей казался президент компании Юрий Салахов – молодой, красивый, неженатый. И он уже начал обращать на нее внимание, как подвернулась эта... У Любочки не было подходящего слова для супруги шефа. Старая дева, сорокалетняя страшила, хищная акула, вырвавшая лакомый кусочек из-под самого носа Любочки! Чем она взяла? Что смогла предложить Юрию лучше, чем молодое, красивое тело, лицо без морщин, длинные стройные ноги, упругая грудь, плоский живот и раскованная, соблазнительная походка модели?

Бесчисленные достоинства Любочки остались неостребованными. Она не просто старалась произвести впечатление на Юрия, чтобы женить его на себе – она в него влюбилась. Она мечтала о нем, хотела его, смотреть на него не могла без сладкого замирания в груди! Весть о предстоящей женитьбе шефа повергла ее в шок, от которого Любочка не скоро оправилась. Она заболела и даже лежала в неврологическом отделении, – у нее случился нервный срыв. После

лечения она попросилась в отпуск, чтобы в тишине и покое обдумать свое поражение...

В полном замешательстве и с горькой обидой на весь белый свет она вернулась на свое рабочее место, с облегчением услышав, что господин Салахов с супругой отбыли в Англию. Видеть каждый день Юрия, осознавая, что он для нее навсегда потерян, – такой пытки Любочка бы не вынесла.

Никто не ожидал, что путешествие господина Салахова затянется надолго. Это приводило в недоумение сотрудников и партнеров. Впрочем, Юрий руководил компанией на расстоянии, изредка приезжал, заключил немало выгодных сделок, сумев найти общий язык с английскими, итальянскими и греческими бизнесменами. Дела шли неплохо.

Весть о том, что Салахов возвращается в Петербург, застала Любочку врасплох. Ее сердце так сильно и быстро забилось, что она едва не потеряла сознание. Первым делом она подбежала к зеркалу и со стоном убедилась, что ее шансы не столь велики, как раньше. Сияющая, свежая юность – основное преимущество перед ненавистной соперницей – осталась в прошлом.

«Ничего! – успокоила себя секретарша. – Его жена тоже не помолодела. Сколько ей сейчас? Пятьдесят один!»

Все эти годы Любочка не дремала. Она тщательно следила за собой, не жалея ни средств, ни времени. Каждую свободную минуту посвящала тренажерному залу, бассейну, косметическому салону, парикмахерской, сауне, утренним про-

бежкам и здоровой пище. Она бросила курить и свела к минимуму употребление алкоголя. Любочка перепробовала все новейшие заморские и отечественные «молодильные» средства. Но, несмотря на все ухищрения, тело предательски увядало...

Утешительным призом для Любочки было осознание того, что ей все-таки еще только тридцать, а супруге Салахова – за пятьдесят. Этот козырь проклятой акуле бить нечем!

Секретарша привела в порядок макияж, надушилась и занялась бумагами, ни на минуту не забывая о том, что со дня на день Юрий снова окажется с нею рядом.

«Наверняка за десять лет его уже тошнит от этой старухи! – с глубоким удовлетворением думала она, стуча по клавиатуре компьютера. – Еще посмотрим, кто будет смеяться последним!»

О собственном замужестве она старалась не вспоминать. Боже, как она могла так вляпаться? С ее умом, способностью разбираться в людях? Впрочем, этот промах объясняется просто, – после такой душевной травмы, как женитьба Салахова, Любочку «понесло». Она напропалую строила глазки всем подряд, меняла кавалеров быстрее, чем носовые платки. В те сумасшедшие, отчаянные дни в одном из ночных клубов она познакомилась с Мишей Лифановым, молодым и преуспевающим телепродюсером. Он был красив и престижен – как любовник и, тем более, как муж. Все ее подруги пищали от зависти, когда она появлялась с Мишей на

тусовках.

Миша влюбился. Он ждал ее после работы у офиса, звонил по десять раз в день, дарил цветы, носил на руках. Они встречались, потом поженились, безостановочно кружась в вихре удовольствий. И только переехав в квартиру Миши, Любочка начала замечать неладное.

Первое, что ее насторожило, был шприц, закатившийся под кухонный шкафчик и случайно попавшийся ей на глаза... Оказалось, молодой супруг кололся. Он стеснялся Любочки и скрывал от нее пагубное пристрастие, но только на первых порах. Постепенно Лифанов привыкал к роли мужа и сбрасывал покровы. Любочка узнала, что он уже дважды лежал в наркологической клинике. Две ночи она давилась слезами, пока супруг в беспамятстве валялся на кухне, уткнувшись красивым лицом в гору окурков.

Миша оказался совершенно не тем человеком, который мог составить счастье Любочки. Детей от него она не хотела. То, что раньше ей нравилось – премьеры, рестораны и тусовки, – надоело и потеряло былую привлекательность. Целые дни супруги проводили на работе, а когда вечером оставались вдвоем, оказывалось, что говорить не о чем.

В конце концов они разошлись, и Любочка вернулась к родителям. На нее обратил внимание один из коммерческих директоров компании, и через полгода Любочка стала его любовницей. Ее поклонник был намного старше, имел жену, с которой не собирался разводиться, и любимых детей. Ро-

ман длился два года и постепенно затух, безболезненно для обоих.

Любочка вспомнила о Юрии. Она решила, что Юрий Салахов – ее судьба, ее единственная любовь, и что именно поэтому не складываются ее отношения с другими мужчинами. Больше Любочка о женихах не помышляла. Если она и задумывалась о мужчине, то только о Салахове...

Секретарша так погрузилась в свои мысли, что сделала ошибку в документе. Она провела рукой по лицу и подняла глаза. В этот момент дверь открылась, и вошел президент компании господин Салахов. Слезы радости могли выдать Любочку, но он ничего не заметил. Кивнул головой вместо приветствия и прошел в свой кабинет...

Глава 5

Зарядили дожди. Стояла сырость, и Пономарев включил в адвокатской конторе отопление. Согревшись, он переду-

мал пить чай с коньяком и взялся за дела. Переговорил с несколькими клиентами по телефону, разобрал бумаги, ближе к обеду позвонил домой, спросил у Динары, как там дети.

– Дерутся, – ответила она. – Значит, выздоравливают. Не задерживайся на работе, пожалуйста. У няни болит голова, и она отпросилась домой. А я хочу сходить в парикмахерскую.

– У меня назначена встреча с клиенткой на семь часов вечера.

– Думаешь, она придет в такую погоду?

Клиентов действительно было мало: за весь день только трое. Может, это к лучшему? По крайней мере у него есть время подумать, дочитать откровения убийцы. Вдруг что-то прояснится?

– Ладно, пока.

Он достал из сейфа «записки», включил свет и углубился в чтение...

...Я мог отличить ее шаги от тысяч шагов других женщин. Я узнал бы ее в любой толпе. Во время вселенского потопа мои мысли были бы только о ней! Я держал руку в кармане, сжимая листок с написанными для нее стихами, и дрожал от возбуждения. Я надеялся, что она сердцем услышит мой любовный призыв и придет пораньше. Но... моим ожиданиям не суждено было сбыться.

Коридор наполнялся звуками голосов, возни и смеха. В класс входили ученики, один за другим. А ее все не было.

Когда прозвенел звонок, на мою душу опустилась ночь – я решил, что ее сегодня не будет. Свет померк для меня, и тут... она вбежала в класс, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, на полсекунды опередив учителя математики.

– Нинка опять опоздала! – хихикнул мой сосед по парте.

Я был готов убить его за то, как непочтительно он отзывается о ней. Моя рука, сжимающая в кармане любовное послание, вспотела, и мне пришлось ее вытирать. Начался урок, но вместо того, чтобы смотреть на доску и слушать объяснения учителя, я то и дело бросал взгляды на нее.

– Тебе что, тоже Нинка нравится? – ехидно спросил сосед.

– Что значит «тоже»?

– Ну... она с Витькой ходит, из десятого «Б»! – снова хихикнул он. – Витька у нас чемпион школы по боксу. Так что лучше не заглядывайся, а то...

Я схватил учебник и треснул его изо всех сил по голове. Меня выгнали из класса, и я целый день бродил по осеннему парку, думая о том, что мне следует умереть. Вечером я вернулся домой и сразу улегся спать. Мне снилась она и незнакомый Витька, который целует ее и кладет голову ей на плечо.

– Что с тобой? У тебя жар! – сказала мама, когда утром будила меня. – Ты не мороженого, случайно, объелся? Оставайся дома. Пей горячее молоко и положи горло содой.

Горячее молоко и сода были у мамы лекарствами от всех

болезней. Отец устал с ней спорить по этому поводу и не вмешивался в процесс моего лечения. Я лежал и думал о Принцессе, которая изменила мне. Как она могла? Разве грубый Витька с его кулаками мог любить ее так, как я?

Мной овладела сильная лихорадка, я горел, и ночью отец не отходил от моей постели.

– Это все переезд, новая школа, учителя, одноклассники... – объяснял он матери. – У мальчика очень ранимая психика, слабая нервная система. Пусть отдохнет несколько дней.

– Как? – удивилась мама. – Разве у него не ангина?

– Нет. Это нервная горячка. Он успокоится, привыкнет, и все пройдет.

Так и случилось. Днем я спал, а ночью, когда никто не мешал, я думал. И решил написать Нине письмо. Ведь она не догадывается, как я люблю ее! Я буду писать ей, часто, каждый день, пока она не убедится, что Витька ей не пара. А потом, когда она захочет узнать имя того, кто готов умереть за нее, я признаюсь, назову себя, и мы будем счастливы!

Это решение успокоило меня. Я написал первое письмо и на следующий день отправился в школу. Нина не заметила, как я положил послание в карман ее пальто.

Второе письмо я, уловив момент, засунул между страниц ее учебника по литературе. Третье послание мне удалось подложить ей в портфель. Я ждал отклика, но... все

оставалось по-прежнему.

После уроков долговязый Витька ждал ее у школы, и они вместе шли домой через парк, усыпанный желтой листвой. Снедаемый жестокой ревностью, я следовал за ними, прятаясь между полуголых деревьев. Я ничего не понимал. Может, она не читала моих писем?

Я продолжал писать о своей любви и теперь приноровился класть письма прямо в ее дневник, когда никто не видел. Уж теперь-то они обязательно попадут ей в руки! И скоро я убедился в этом.

Как всегда после уроков, я, подобно тени, скользил по парку за ничего не подозревающей парочкой. Вдруг они остановились. Нина достала из портфеля какой-то листок и показала его Витьке. Это было мое письмо! Они вместе читали его и смеялись. О, как они хохотали! Потом они порвали письмо на мелкие клочки и подбросили вверх. Ветер подхватил обрывки и понес вместе с облетевшей листвой...

У меня потемнело в глазах, когда я увидел, как они обнимаются и целуются. В груди сдавило, и я чуть не задохнулся. Я решил, что умираю. Они все целовались и целовались, – моя Принцесса и боксер, – они прижимались друг к другу, как любовники, которым нечего стесняться. Я хотел умереть, но не мог! И тогда я пожелал, чтобы умерли они. Вернее она! Потому что она предала меня. Отвергла мою любовь, чистую, искреннюю! Променяла на грубые объятия и слюнявые прикосновения чужого рта! Она все испортила, вы-

валяла в грязи! Я думал, она прекрасна, нежна и добра, – а она оказалась обыкновенной похотливой сучкой, такой же, как все!

Я не помню, как добрался домой, как завалился в постель, прямо в одежде и ботинках. Ужасная, нестерпимая боль разрывала мое сердце... Черный туман поглотил меня, и я целую неделю пролежал в горячке. А когда пришел в себя, то ощутил себя другим. Я излечился от своей любви, исторг ее из моей души. Нина стала мне ненавистна, и я не смог бы находиться с ней рядом.

Постепенно я привыкал к своему новому состоянию. Я понял, что женичины притворяются – они лишь кажутся ангелами. Это их забава – разбивать сердца мужчин.

Я решил заняться наукой. Отец обрадовался, заметив мой интерес к медицине.

– Вот видишь, – с гордостью говорил он матери. – У мальчика наступил перелом. Он наконец-то взялся за ум!

Иногда в свободное время отец брал меня с собой в институт, на свою кафедру. Я слушал лекции и проникался духом его профессии. На девушек я не смотрел. Так прошел год...

– Можно войти?

Артем настолько углубился в чтение, что не заметил, как в кабинет заглянула Галина Павловна. Он поспешно смахнул листки в ящик стола и поздоровался.

– Извините. Я вам помешала?

– Вовсе нет, – он улыбнулся. – Просто я слишком увлекся.

– Что-то интересное?

– Скорее поучительное. Как у вас дела?

Она села в кресло и сложила руки на коленях.

– Пока все хорошо. Стараюсь следовать вашим советам.

По вечерам не выхожу из дома и после работы не задерживаюсь.

– Как ваш муж относится к этому?

– Он ничего не знает! – испуганно ответила Галина Павловна. – Вы обещали, что никому...

– Разумеется, нет. Я думал, вы сами рассказали.

Она отрицательно покачала головой и нервно сжала руки.

– Он не знает. Если бы я... Нет, он не поймет! Скажет, что я выдумываю. У нас и так довольно натянутые отношения. Он считает меня истеричкой!

– Странно... Вы производите впечатление довольно уравновешенной дамы.

– Да? – она улыбнулась, довольная, и Артем заметил у нее на щеках симпатичные ямочки. – Мне приятно, что вы мне верите. А муж... я думаю, у него есть любовница.

– Вот как?

Она кивнула.

– Мы живем в большой квартире в центре города. Детей у нас нет...

– Квартира принадлежит вам?

– Я единственная владелица. Поэтому муж продолжает

жить со мной. Он привык к центру, к простору и комфорту.

– В случае вашей смерти...

– Квартира достанется ему, – ответила женщина. – У меня нет других наследников.

– Может быть, ваш муж хочет убить вас?

Она посмотрела Артему в глаза, и он смутился.

– Я должен отработать все версии...

– Насчет мужа вы серьезно?

Чтобы разрядить обстановку, он предложил посетительнице сигарету.

– Курите?

– Когда волнуюсь. Сейчас как раз такой случай...

Они закурили. Лампы дневного света делали все окружающее неестественно бледным, фарфоровым.

– Кроме мужа, кому выгодна ваша смерть? – рассуждал бывший сыщик. – Может, вы что-то видели, слышали? И теперь являетесь опасным свидетелем?

– Не знаю... – Галина Павловна пожала плечами.

– А ревность, к примеру? Чем не мотив?

– Ревность? Нет, что вы! Моя личная жизнь обыкновенна.

То есть, у меня нет другого мужчины.

– Хорошо, – сказал Артем, мельком взглянув на часы. – У вас есть мой телефон?

– Да, конечно! – она вытащила из сумочки визитку и показала ему. – Вот...

– Если что-то изменится, сразу же звоните. В любое время

дня и ночи.

* * *

Госпожа Левитина обдумывала ситуацию. Признаться, она удивилась, что в ее квартире кто-то устроил спортзал.

Она в третий раз звонила Николаю Эдеру, которому перед отъездом за границу оставляла ключи. Молодой человек заверил, что все будет в порядке. Анна Наумовна посылала ему деньги два раза в год за то, что он присматривает за квартирой. Сколько уже времени там тренируются борцы? Похоже, у Николая весьма странные представления о порядке.

– Николай? – она с облегчением вздохнула. – Наконец-то я вас застала.

– Здравствуйте... – его голос звучал испуганно. – Извините, я не узнаю...

– Это Анна Левитина. Помните меня?

– Конечно.

– Я в Петербурге.

– Да?

Казалось, он еще больше перепугался.

– Как там дела с квартирой?

– С к-квартирой? – Николай закашлялся. – Все хорошо!

– Я сегодня навевывалась туда...

Николай Эдер молчал.

– Вы меня слышите?

– Д-да... да, с-слышу...

– Может быть, вы сами мне все объясните?

– Я... не виноват! Это все он! Он... ж-жестокий, страшный человек. Он велел мне д-дать ему к-ключи. Я... я не м-мог отказать. Он бы... убил меня. В-вернее, избил бы! Он так и сказал, ч-что сделает м-меня инвалидом... Я н-не мог... Мама умерла! Вы знаете? Если бы была ж-жива мама, она бы не допустила такого! Но она...

Николай заплакал. Анна слышала, как он всхлипывает и шмыгает носом.

– Сочувствую вам, – сказала она, дожидаясь, когда он сможет говорить. – Берта Михайловна была замечательная женщина.

Шмыганье на том конце провода стало утихать.

– С-спасибо... Мне ее так не хватает!

– Понимаю. И все же... кому вы дали ключи?

– Ему... ну, этому... Фариду.

Николай немного успокоился. Хозяйки квартиры он боялся гораздо меньше, чем Гордеева.

– Кто это?

– Фарид? А вы не знаете? Ах, ну да... Это наш новый сосед. Помните квартиру номер пять? Ту, которую снимали арабы? Так это его. Он там живет. Он... тренер по каким-то японским видам борьбы. Сначала он арендовал зал в другом месте, потом...

– Решил, что моя квартира лучше подходит для трениро-

вок, – закончила за него Анна. – Неплохо придумано, как считаете?

– Что я могу считать? – промямлил Николай. – Меня никто не спрашивал. Он у меня выяснил, что за квартира, почему пустует, где хозяйева... и потом велел отдать ключи. А не то, говорит, челюсть сверну!

– Вы поверили?

– Любой на моем месте поверил бы. Он одним ударом бревно ломает, я сам видел. И вообще, этот Фарид – психованный. Когда доберманы профессора его облаяли, он их так шуганул, что старик их полдня искал, дозваться не мог. Псы убежали в сквер и боялись во двор носы показать.

– Старик? – переспросила Анна. – Кто это?

– Еще один новый жилец, – вздохнул Николай. – Профессор истории, Рубен. Он купил квартиру на первом этаже. Ту... в которой... которая принадлежала Изабелле. Не везет мне с соседями...

– Ну что ж. Придется как-то решать эту проблему.

– С профессором? – обрадовался Николай. Доберманы наводили на него такой ужас, что простое дело – войти в подъезд – превратилось в нелегкое испытание.

– С Фаридом, – разочаровала его Анна Наумовна. – Как, кстати, его фамилия?

– Гордеев. Только не говорите ему, что я вам все рассказал!

– Но почему вы не сообщили об этом спортзале в кварти-

ре? В ЖЭК или в милицию...

– Квартира ваша, вы и сообщайте! – срывающимся от волнения голосом выпалил Николай. – А я не хочу связываться! Не могу! Я боюсь, если хотите знать! Да, боюсь! Гордеев бандит! Ему человека убить – что муху прихлопнуть!

– Он что, уже убил кого-то?

– Наверняка! Где он пропадал столько времени? Почему не жил дома? Прятался от милиции. Я сразу догадался! У него глаза ледяные, ничего не выражают. Посмотришь, и жуть берет! Вы будьте осторожнее. С ним так просто не сладить. Возьмите с собой охранника, а еще лучше нескольких! И с оружием!

– По-моему, господин Гордеев совсем не так грозен, – улыбнулась Левитина.

– Вы просто не понимаете. Вы женщина и в таких вещах не разбираетесь. Фарид разговаривает только на одном языке, и это язык силы!

– Спасибо за предупреждение.

Николай Эдер вздохнул с облегчением. Слава богу, вернулась хозяйка, пусть теперь разбирается, кто занял ее квартиру и почему. Ему надоело находиться между двух огней! Права была мама, когда говорила, что мир – это джунгли и, чтобы выживать в нем, надо быть хищником.

Анна Наумовна смеялась, представляя себе испуганное, растерянное лицо Николая. Бедняга! Трудно ему пришлось. Ну, бог с ним. Пожалуй, она знает, как уладить вопрос со

спортзалом мирным путем, так, чтобы все были довольны...

Глава 6

Белый «мерседес» Салахова ехал в потоке машин в крайнем правом ряду. Над городом висела пелена дождя.

– Третий день льет, – вздыхая, пожаловался водитель. – Теперь надолго! Вон как небо обложило.

Юрий смотрел, как дворники размазывают по стеклу капли. Его лицо выражало скуку и раздражение. Прошло десять лет с тех пор, как он женился на Анне, но казалось, что это было вчера. Во всяком случае, он не намного продвинулся в понимании своей жены. Ее характер, желания, поступки оставались для него за семью печатями. В ней существовала тайна, которую он не мог постичь...

Во-первых, разница в возрасте. Как ни любил он Анну, мысль о том, что годы делают свою разрушительную работу,

приходила ему в голову. И что же в результате? Годы оказали воздействие на него, причем довольно ощутимое, но пощадили Анну. Юрий потерял былую форму, появились морщины, походка стала тяжелее, и по лестницам он уже не взбегает так легко, как раньше. Для Анны же как будто ничего не изменилось! Если быть до конца честным, жена выглядит моложе его.

– Ерунда... – пробормотал Юрий. – Это невозможно. Пластических операций она не делала, я бы знал...

– Простите, не расслышал, – обернулся шофер, думая, что хозяин обращается к нему.

– Я не тебе, – махнул рукой Салахов. – Нельзя ли побыстрее? Я на встречу опаздываю.

Сегодня утром у Юрия с женой вышла «сцена», из-за чего он не смог выйти из дому вовремя.

– Я вчера ходила в театральный дом, – сказала Анна за завтраком. – Представляешь, в моей квартире некий Фарид Гордеев устроил спортзал!

– Что?

– В моей квартире спортзал! – блестя глазами, повторила Анна.

– Этот... Гордеев арендовал у тебя жилье? – уточнил Юрий.

Он никак не мог взять в толк, о чем идет речь.

– Он просто занял помещение и проводит там тренировки. Что-то восточное... какие-то виды борьбы.

– Вот беспредел! – возмутился Юрий. – Я вышвырну его оттуда!

– Зачем? – удивилась Анна. – Юрочка, ты невероятно усложняешь жизнь.

– Но ведь надо что-то делать?

– Я как раз хотела спросить, есть ли у тебя на примете надежная оффшорная компания?

Юрий сделал слишком большой глоток кофе и поперхнулся. Он закашлялся, мучительно краснея под невинным, ясным взглядом Анны. Интересно, существуют ли еще в природе женщины, которые умеют так выводить из себя мужчину?

– Что с тобой? – подавляя смех, спросила она. – Не торопись так.

– Твою квартиру занял какой-то наглец и использует ее для своих нужд, – откашлявшись, произнес Юрий. – При чем тут оффшорная компания?

– Мне нужны деньги, – заявила жена. – Много денег. Чтобы Фарид Гордеев мог купить себе помещение для спортзала. Пусть оффшорная компания обналичит некоторую сумму с моего заграничного счета.

Час от часу не легче! Салахов почувствовал, как волосы шевелятся у него на голове. Опять начинается! Он-то думал, что в Петербурге их семейная жизнь войдет в нормальное русло, и вот...

– Ты собираешься дать Гордееву деньги?

– Ну да...

– А с какой стати?

Юрию с трудом удавалось сохранять спокойствие.

– Чтобы он освободил мою квартиру. Неужели непонятно? Как ты только ведешь свой бизнес, Юрочка? – проговорила Анна, подходя к нему сзади и обнимая за плечи. – Извини, но у тебя иногда бывают приступы тугодумия.

Она поцеловала его в свежевыбритую щеку и удовлетворенно вздохнула. В тридцать девять муж был все так же привлекателен для нее, как и десять лет назад. Время никогда не имело для нее значения. А теперь и подавно.

– Послушай, Анна! Я... дело не в деньгах, но... Нахала надо просто выгнать! Почему мы должны решать его проблемы?

– Разве ты всегда можешь отличить свои проблемы от чужих? В этом мире все так переплелось...

– С тобой невозможно разговаривать!

Анна согласно кивнула. Она вообще редко спорила.

Сейчас, по дороге в офис, Салахов прокручивал в памяти всю их совместную жизнь, с самого начала.

Странностей хватало со дня свадьбы. Предупреждение Анны, что Юрий с ней скучать не будет, оправдывалось с лихвой. Особенно когда они уехали за кордон.

Побродив три дня по Лондону, жена вдруг изъявила желание посмотреть, как проходят биржевые торги.

Биржа произвела на Анну неизгладимое впечатление.

Несколько дней она ходила притихшая, погрузившись в размышления; покупала газеты, освещавшие состояние рынка ценных бумаг. Юрий недоумевал. Меньше всего он предполагал, что ее могут заинтересовать акции, котировки, инвестиции и прочая абракадабра, обычно наводящая на женщин смертельную тоску.

Но главный сюрприз ждал его впереди. Однажды, туманным лондонским утром, Анна сказала, что хочет поучаствовать в торгах.

– Аннушка, – мягко произнес Юрий, – дорогая, ты хоть знаешь, что такое игра на бирже?

– В общих чертах, – ответила жена, явно забавляясь его замешательством.

– У тебя совершенно нет опыта. К тому же нужен приличный стартовый капитал. И вообще, зачем тебе это?

– Я подумаю, – уклончиво ответила Анна.

Салахов понял, что отговаривать ее бесполезно, и решил – пусть попробует! Надо дать ей обжечься, чтобы надолго отбить охоту к подобным развлечениям. Он даже готов пожертвовать некоторой суммой. В конце концов, покой в семье дороже.

Тем временем Анна увлеклась красотами Англии и Шотландии. Она с упоением читала путеводители, ездила на экскурсии, бродила по старинным развалинам, обедала в дорогих ресторанах. Вечера ей нравилось проводить в казино. Юрий тайно ликовал, надеясь, что жена забыла о своей

безумной затее с биржей. Пусть удовлетворяет свою страсть к азартным играм за карточным столом или при помощи рулетки. Сам он был равнодушен к игре и, подавляя зевоту, отсиживал положенное время, пока Анна развлекалась. Странно, но она начала выигрывать. Юрий принимал это за случайное везение.

По ночам жена жаловалась на сырость и ледяное постельное белье. Кажется, Англия надоела ей. Юрий пришел в восторг, когда она попросилась в Италию, и предложил ей тур по Европе. Везде, где только возможно, Анна посещала казино. У нее появились собственные деньги – она играла и выигрывала.

В Греции супруги объездили все побережье. Анне нравилось гулять по каменистым склонам, рассматривать обломки древних сооружений на вершинах холмов. Она отправилась в Дельфы любоваться руинами храмов Аполлона и Афины.

– Здесь звучали пророчества дельфийского оракула! – с восторгом говорила она Юрию, который, изнывая от жары, носил за нею пакет с инжиром и виноградом.

Анна показывала ему остатки театра, стадиона и афинской сокровищницы, но супруг только зевал и вздыхал при мысли о прохладном душе и кондиционере. Пыльные, раскаленные камни, выжженная солнцем трава и обилие насекомых раздражали Юрия. Ему до чертиков надоели греческий табак, рыба и оливковое масло.

– Видишь вон ту гору? – показывала Анна вдаль. – Это

знаменитый Парнас, приют муз!

Салахов с тоской взирал на теряющуюся в голубом мареве вершину, мечтая о стакане ледяной воды и сырых питерских туманах.

Анна поняла состояние мужа и перестала таскать его за собой. Она вставала на рассвете, плескалась в ванной, надевала шорты, майку, соломенную шляпу и уходила на свои развалины. А Юрий оставался в номере, валялся до полудня в постели, обедал в гостиничном ресторане и только под вечер, когда жара немного спадала, принимался за дела – звонил в Россию, зарубежным партнерам, отдавал распоряжения и просматривал финансовые отчеты.

Периодически супруги летали в Петербург, но чаще это делал Юрий. Анне не нравились самолеты; она предпочитала наземный транспорт. Впрочем, в Италию они поехали морем. Голубые воды Адриатики расстилались до горизонта, берега казались написанными небрежной кистью импрессионистов.

– Хочу в Рим! – говорила Анна, обнимая Юрия и прижимаясь щекой к его щеке. – Мы будем бродить с тобой по руинам Колизея и бросать монетки в римские фонтаны!

Но, как оказалось, итальянский рынок ценных бумаг привлекал ее гораздо больше знаменитых развалин. У Юрия началась мигрень, когда Анна попросила подыскать ей надежного брокера.

Выбрав подходящую кандидатуру, Юрий поручил тому

приобретать для жены заведомо негодные бумаги и поставить ее перед фактом полного провала, показав наглядно, чем кончаются подобные авантюрные затеи. Он не жалел денег, чтобы компенсировать брокеру моральный и материальный ущерб, лишь бы доказать Анне, насколько нелеп ее каприз.

Красивый, жгучий итальянец долго не мог сообразить, в чем заключается просьба русского бизнесмена.

– Если я буду скупать для клиента дрянные акции, моя репутация пострадает. Ваша супруга может подать на меня в суд! – нервно моргая, объяснял он Юрию. – Клиент будет недоволен, он поднимет скандал! И я ничего не заработаю! Никаких комиссионных!

Предложенная Салаховым сумма «за услуги» охладила его протест.

– Ладно, – согласился брокер. – Русские такие странные! Я выполню вашу просьбу. Но если ваша супруга сама будет указывать...

– Не будет, – перебил его Юрий. – Она в этом ничего не понимает. Абсолютно ничего!

Успокоившись, он наблюдал, как Анна связывается с брокером по телефону и слушает его советы. По вечерам, за ужином, она просматривала бюллетени фондовых бирж, рейтинги и специализированные журналы. Юрий не вмешивался и ждал, когда эта блажь пройдет. Он поездил по магазинам и купил подарок для жены – прелестный куритель-

ный набор: пепельница, табакерка, шкатулка для сигарет и мундштук, все серебряное, расписанное чудесными эмальями и инкрустированное слоновой костью. Это послужит утешением для Анны, когда она потерпит сокрушительное фиаско на бирже.

Через пару дней Юрию позвонил брокер и сообщил, что клиентка отклонила его предложения и сама давала указания, что покупать, а что и когда продавать.

– У вашей жены удивительное чутье, господин Салахов! – возбужденно тараторил итальянец, так что Юрий морщился и держал трубку на некотором отдалении от уха. – Мы оба сумели заработать благодаря ее настойчивости!

– Вы делали то, что я просил?

– Разумеется! Только... госпожа Анна не стала меня слушать...

– Понятно. Не обращайтесь внимания. Это везение новичка. Наберитесь терпения, и мы с вами добьемся своего.

Юрий был уверен, что успех жены – временный. Ему как раз позвонил из России вице-президент компании, и он уехал, предоставив Анне свободно развлекаться игрой на бирже.

В Петербурге Салахов с головой ушел в дела и забыл о прихотях жены. В ежедневных телефонных разговорах он твердил, что скучает по ней и ждет встречи. Это было правдой. Жизнь с Анной летела, как стремительный, наваянный мечтами сон... призрачный и смятенный. Но лишиться его

казалось невозможным.

Спустя месяц Юрий вернулся в Италию и застал Анну за компьютером.

Они снимали небольшую виллу на побережье, окруженную оливами, апельсиновыми деревьями и виноградниками. Каменный дворик, сохранявший прохладу в самый сильный зной, служил им местом отдыха и любви. Из прислуги наняли кухарку и приходящую работницу, которая убирала в доме, стирала и ухаживала за маленьким садом. Анне необычайно нравился такой образ жизни – праздный и беззаботный. Поэтому Салахов никак не ожидал увидеть ее за работой.

– Ты купила компьютер? – удивился он. – Зачем? Могла бы пользоваться моим...

– Не хотелось тебе мешать, – ласково ответила жена, целуя его. – Я установила выделенный канал, подключенный к сети аналитической информации по фондовым рынкам. Это и мне удобно, и тебе хорошо.

Юрий почувствовал, как горячая волна негодования и досады затопила его. Он сделал равнодушный вид и начал распаковывать вещи.

– Как Петербург? – спросила Анна из вежливости.

Юрий стал рассказывать. Она рассеянно слушала, глядя, как он разбирает чемоданы. В Петербурге туман, дожди... Дела по многим направлениям идут неплохо, а кое-где без пристального внимания хозяина пришли в беспорядок...

– Знаешь, Аннушка, я был так занят... приходил домой и валялся спать, а иногда оставался в своем рабочем кабинете, на диване. Торопился все уладить, чтобы быстрее вернуться к тебе.

После разлуки им было сладко любить друг друга. В открытые окна огромной спальни доносился шум прибоя. Тело Анны, гладкое и мягкое, расслабленно-ленивое, всегда возбуждало его...

Потом Юрий сквозь сон увидел, как жена встала, накинула шелковый пеньюар и выскользнула за дверь. Проклиная себя за подозрительность, он прислушался. Анна вызывала по телефону такси. Интересно, почему она делает это тайком? Ему тут же стало стыдно за свои мысли – скорее всего, она просто не хотела его будить.

Тем не менее, услышав звук отъезжающей машины, Салахов встал и принялся ходить по комнате взад-вперед. Им овладела тревога. Что, если Анна попала в неприятности из-за биржевых игр? Вдруг она много задолжала? Нельзя было оставлять ее одну в таком непривычном для нее и опасном деле. Беззащитная, неопытная женщина послужила легкой добычей для финансовых мошенников. Юрий упустил из виду, что сам просил брокера-итальянца обманывать Анну и скупать для нее негодные акции. Он хотел уберечь ее от серьезной проблемы. Потерпев первые мелкие неудачи, она откажется от игры и тем самым избежит многих бед. Но в расчеты Юрия вкралась ошибка, и все пошло не так, как

было задумано. Впрочем, с Анной всегда получалось не то, что ожидалось...

Салахов глубоко вздохнул и понял, что уже несколько минут смотрит на ящик комода, в котором Анна держала деньги, часы, драгоценности, записные книжки и прочие женские штучки. Уговаривая себя, что делает это из лучших побуждений и заботясь о безопасности жены, Юрий открыл ящик и бегло осмотрел содержимое. Несколько небрежно сложенных листков бумаги привлекли его внимание. Это оказались банковские распечатки с информацией о движении денег по счетам.

Юрий до сих пор помнил то ощущение – сердце подпрыгнуло к горлу и остановилось. Он смотрел и не верил своим глазам. Суммы, указанные в распечатках, были более чем солидные. Значит, Анна... Не может быть! Разве что ей помогал кто-то невероятно умный и проницательный, как сам дьявол. Вот так сюрприз...

Салахов трудно привыкал к новым реалиям, которые преподносила ему жизнь. Вопреки его намерениям, Анна всю участвовала в биржевых торгах, причем успешно. Она заработала много денег, и теперь возник вопрос: зачем ей деньги? Супруг был вполне способен удовлетворить любую ее прихоть и ни в чем ей не отказывал. Откуда у Анны стремление к казино, бирже? А главное, как ей удастся обходить подводные камни и избегать неудач?

Беспокойство Юрия сменилось ревностью. В сущности,

он толком не знал, как жена проводила время в его отсутствие. Она вроде бы любит посещать исторические развалины... но где она бывала на самом деле?..

У Салахова родилась мысль – а не нанять ли ему частного детектива? Но следить за женой казалось ему низким. Что подумают итальянцы о русском бизнесмене, который нанимает сыщика следить за собственной супругой?

Тогда Юрий не решился на подобный шаг, и вот теперь, уже дома, в Питере, ему снова пришла в голову эта мысль.

– Приехали, Юрий Арсеньевич, – сказал шофер, возвращая Салахова к действительности.

Поднимаясь по лестнице в кабинет, Юрий вспомнил утренний разговор с женой. Что за бред? Какой-то Фарид, какой-то спортзал... Черт знает что! Неужели Анна хочет вот так просто дать бандиту, самовольно забравшемуся в ее квартиру, деньги?

– Люба! – громко, недовольно сказал он, соединившись с секретаршей. – Приготовьте мне информацию по оффшорным компаниям и зайдите.

– Хорошо, Юрий Арсеньевич, – пропела Любочка, тая от удовольствия.

– побыстрее, пожалуйста, – уже мягче добавил Салахов. Заискивающая интонация секретарши неожиданно произвела благоприятное впечатление. Анна никогда не говорила с ним таким тоном. Она всегда оставалась на своем Олимпе – сияющая и недостижимая, как богиня. Она никогда не

отчитывалась, не оправдывалась, предоставляя ему свободу думать все, что угодно. Она никогда не чувствовала себя виноватой, не выясняла отношений. С ней было невероятно сложно! Юрий порой сравнивал себя с альпинистом, который забрался так высоко, что силы кончаются и не хватает кислорода для дыхания...

Он потер виски и сделал глубокий вдох. Проклятие! Надо все выяснить, или он сойдет с ума. Юрий поколебался и позвонил в адвокатскую контору Мерцалова.

– Саша! Рад тебя слышать. У меня к тебе щекотливый вопрос. Не можешь порекомендовать хорошего частного сыщика? Порядочность обязательна.

– Понял. – Мерцалов не задавал лишних вопросов. Он прикидывал, кто подойдет такому клиенту, как Салахов. – Есть один парень, из бывших оперов. Классный мужик. Берется только за интересные дела.

– А деньги его интересуют?

– Большие! – усмехнулся Мерцалов.

– Это славно. Давай телефон.

И Мерцалов продиктовал господину Салахову телефон Артема Пономарева...

Глава 7

– Она обещала дать тебе денег?

У Кору были узкие, как у японки, глаза, а то бы они давно вылезли из орбит.

– Тебя это удивляет? – спросил Фарид.

С Корой Танг он познакомился банально: та пришла к нему в зал заниматься боевыми искусствами. Девушка уже имела навыки в карате и дзюдо, но ей хотелось большего. Она была невысокая, очень крепкая, с отлично развитыми мышцами. Длинные блестящие волосы, собранные сзади в хвост, доходили до талии. В первый момент Фариду показалось, что это Йоко. Но девушка заговорила, и Гордеев понял свою ошибку. Голос Йоко звучал, как мелодичный колокольчик, а эта дама разговаривала резко и с хрипотцой. Все равно она ему понравилась...

Фарид тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Кора уже несколько минут объясняла ему что-то.

– Ты слушаешь?

Он машинально кивнул, пытаясь уловить ее мысль. Кажется, Кора не понимает, какую цель преследует хозяйка квартиры, предлагая чужому человеку огромную сумму.

– Ну? Что ты об этом думаешь?

– Она необычная женщина... думаю, у нее нет корыстных мотивов.

– Откуда тебе знать?

– Я чувствую.

– Ишь, какой чувствительный! – взвилась Кора. – Такими

деньгами не бросаются! Она хочет, чтобы ты попал к ней в кабалу! Стал ее рабом!

– Зачем? Она достаточно обеспеченная дама, может нанять себе охранника, если надо. Причем за гораздо меньшую цену.

– А любовника?

– Тем более. В этом мире покупается и продается почти все.

– Почти?..

Фарид кивнул.

– Мой учитель говорил: нельзя купить талант, ибо он рождается вдохновением; нельзя купить чистую любовь, ибо она – дар Богов. Все остальное можно обменять на деньги.

Кора Танг возмущенно фыркнула. Разговоры о высших материях раздражали ее.

– Чем философствовать, лучше подумай, как будешь рассчитывать со своей благодетельницей.

– Она сказала, что я ей ничего не должен.

– Вот как? Еще интереснее, чем я предполагала. Даже захотелось посмотреть на нее. Что за чудо заморское? Как она выглядит? Кривая, рябая, хромая и горбатая?

– Да нет... – улыбнулся Фарид. – Красивая, изящная женщина.

– Сколько ей лет?

– Ну... за тридцать, наверное... но выглядит молодо.

– Муж у нее есть?

– Не знаю... А что?

– Только не надо строить из себя наивного мальчика! – взорвалась Кора. – Вдруг ее мужик ни сном, ни духом не ведает, что творит его полоумная женушка? А когда хватится, куда она его денежки пристроила, придет в неопишувемый восторг! Узнай хотя бы, кто сия госпожа Щедрость и откуда у нее столько зелени. Может, это воровской общак какой-нибудь.

– Не может быть, – опешил Фарид. – Ни на воровку, ни на интриганку она не похожа.

– Понятно. – Кора Танг одарила его таким взглядом, что у него дернулась щека. – То есть ни имени, ни фамилии ее ты не спросил. Потрясающе! Bravo, Гордеев! На конкурсе простофиль и лохов тебе не было бы равных.

– Подожди. Она хозяйка этой квартиры, значит, в ЖЭКе должны быть какие-то данные. В конце концов, можно навести справки...

– Придется мне этим заняться, – перебила Кора. – Дамочка тебе так мозги запудрила, что ты думать разучился! К счастью, меня не легко провести.

Она развернулась и, кипя от досады, выскочила вон, хлопнув дверью. До сих пор Фарид ни разу не видел Кору в таком бешенстве. Что с ней?

Кора Танг, в свою очередь, была вне себя от злости на Фариду. Как можно быть таким доверчивым? Она шла по улице, не чуя под собой ног; в голове роились беспокойные мыс-

ли. Незвестная «меценатка» хочет отнять у нее мужчину?!

Кора ненавидела меценатов и «денежные мешки», которые позволяют себе покупать то, что должно доставаться более способным. Когда-то давно, будучи гимнасткой, она лишилась заслуженной победы из-за такого вот «богатого дяденьки». Ему, видите ли, хотелось, чтобы на первой ступеньке пьедестала стояла его дочка! И он купил судей, организаторов соревнований – всех, кого надо. Кора осталась ни с чем. Изнурительные тренировки, пот, кровавые мозоли, слезы и боль – все было напрасно. Она выступила блестяще, а первое место отдали ленивой и неповоротливой девице...

Кора Танг бросила гимнастику и большой спорт. Она поняла, что денег на «победы» у нее нет и в ближайшем будущем не будет. Ее отец-кореец рано умер, и Кору воспитывала мама, робкая и болезненная женщина. Она работала уборщицей в спортивном комплексе, и ей разрешали водить девочку в секцию гимнастики бесплатно.

В школе Кору дразнили «китаезой», и она рано пришла к убеждению, что жизнь – это борьба, причем далеко не всегда честная, и начала отращивать «зубы» и «когти».

После школы Кора Танг занялась торговлей. Зарабатывая деньги на то, чтобы жить более-менее прилично, заочно училась в институте физкультуры. Она увлеклась боевыми искусствами. Восточная философия привлекала ее «иллюзией умиротворения», как она говорила. Это увлечение привело ее в спортивный зал, где она познакомилась с Фаридом. Ко-

ра сразу влюбилась в него.

До этого она просто не замечала мужчин. Ей приходилось выживать в одиночку, она отдавала все свои силы борьбе за существование.

Постепенно жизнь наладилась. И Кора с удивлением обнаружила, что она не только спортсменка, но и женщина, которая хочет любви. Их отношения с Фаридом сложились легко и удачно. Кора оттаяла, почувствовала, что в жизни может быть радость. Встреча с Фаридом позволила ей открыть в себе нечто новое, неизведанное – горячий женский темперамент. Это потрясло ее. Она привязалась к Фариду, испытывая неутолимую жажду все новых и новых наслаждений. Оба были восточными людьми – необузданными, жаркими и безрассудными во всем, что касалось страсти и удовольствий.

Вдруг в судьбу Кору Танг снова собираются вмешаться деньги! Откуда ни возьмись является некая дама и предлагает Фариду кучу баксов за то, чтобы он убрался из незаконно занятой им квартиры!

Подобные вещи «просто так» не случаются! Это Кора усвоила очень хорошо. За деньгами всегда что-то стоит. И она должна выяснить, что...

* * *

Артем вновь перечитывал записки убийцы. Он надеялся

найти ответ на вопрос, который не давал ему покоя: что заставляет людей лишать жизни себе подобных? Ведь есть же причина! Ее нужно отыскать.

Так прошел год... и я все сильнее любил и ненавидел женщин. Я понял, что их истинная сущность всегда спрятана за семью замками. Дешевая комедия, которую они ломают, больше меня не обманет. Не стоит на них злиться, ибо они не ведают, что творят. К Нине я больше не испытывал никаких чувств. Она потеряла для меня былую привлекательность, словно кукла, которую я рассмотрел как следует и убедился, что она сделана грубо и бездарно.

Школьные годы пролетели быстро. На выпускной вечер я не пошел. Получив аттестат, я вернулся домой и впервые в жизни напился. На меня вдруг навалилась тоска. Родители, увидев меня пьяным, решили, что мне жаль расставаться с одноклассниками, учителями и беззаботной юностью. Как мало они меня понимали!

Я заявил им, что не буду никуда поступать, а хочу годик поработать с отцом, подумать и выбрать себе профессию по душе. Мама растерянно молчала, отец же одобрительно похлопал меня по плечу и сказал, что со своей стороны сделает все возможное.

Через месяц он устроил меня санитаром в морг. Отец возглавлял кафедру патанатомии и всю жизнь вскрывал трупы. Он говорил, что установить причину смерти очень важно и это двигает медицину вперед.

Морг не явился для меня чем-то шокирующим – я и раньше бывал там. То приносил обед отцу, то помогал ему в работе, естественно, ничего серьезного он мне не доверял.

Вид мертвых тел не вызывал у меня ни отвращения, ни суеверного страха. Так что ничего ужасного в своей работе я не находил.

Однажды утром я увидел в коридоре морга труп, который привезли с места автомобильной аварии. Это была молодая женщина – из-под грязной простыни, которой ее накрыли, свисали длинные спутанные волосы. Они сразу показались мне знакомыми. Мое сердце дрогнуло. Не смея признаться себе, что погибшая девушка – та самая Нина, которая едва не свела меня с ума, я захотел остаться с ней наедине. Пусть никто не помешает нашему с ней интимному свиданию.

Дождавшись, пока все разойдутся, я на ватных ногах подошел к ней, моей Единственной... Принцессе моих грез... и откинул простыню. Она была даже красивее, чем при жизни, бледная, покрытая синяками и ссадинами, но такая спокойная, неподвижная и покорная, что у меня захватило дух. Я долго любовался ею, не в силах отвести глаз от ее прекрасного тела, запрокинутого лица, полного невыразимого сожаления... Возможно, мне показалось, что она сейчас хочет быть моей, но сильное, мучительное желание потрясло меня. Не соображая, что происходит, я овладел ею... Она оказалась восхитительной любовницей – неприхотли-

вой, милой и довольной всем, что я для нее делал. Разве живая женщина способна так отдаваться! Только теперь, мертвая, Нина полюбила меня и смогла, наконец, оценить меня по достоинству. У меня нет слов, чтобы выразить восторг, испытанный тогда нами обоими. Нет слов! Только вздохи и стоны сердца могут передать тот экстаз, то полное и безраздельное слияние наших тел, то чудное, непередаваемое ощущение моей полной власти над Ниной. Смерть сняла с нее притворную маску. Моя Принцесса превратилась из размалеванной и фальшивой куклы в настоящую женщину, которая была счастлива принимать мои ласки и дарить мне любовь.

Я знал, что разлука неминуема, что наше свидание не может длиться вечно. И отпустил мою Принцессу в далекое путешествие... Иногда она приходит ко мне в снах – холодная и неподвижная, как Снежная Королева. У нее нет соперниц среди живых, потому что только смерть делает женщину подлинной! Мертвая – она всецело моя. Мне не придется делить ее с другим мужчиной. Только одни объятия примут ее после моего триумфа – объятия могилы!

Это ли не роковая драма, которой нет равных? Это ли не любовь, достойная быть воспетой в стихах, написанных кровью сердца?

О, мой кумир! Отрада моих дней!

Я по тебе затосковал навеки...

Закрытые, твои не дрогнут веки,
Не пробежит слеза вновь по щеке твоей.
И никогда уж ты не засмеешься,
Не оттолкнешь, капризная, меня.
И не изменишь мне, не назовешься
Чужой избранницей, прелестная моя...

Много длинных поэм и чувственных стихотворений написал я тогда, под впечатлением своей первой близости с женщиной. Это были стенания заблудшей души, разрывающейся между любовью и смертью. Никогда впоследствии я не мог испытать такого влечения к живой женщине и пережить с нею такой же экстаз!..

Телефонный звонок заставил Артема отвлечься от сексуальных откровений «Принца».

– Слушаю, – недовольно ответил бывший сыщик.

Он не любил, когда его останавливали в самом интересном месте.

– Господин Пономарев?

– Он самый.

– Мне дал ваш телефон Александр Мерцалов.

– Саша?

Артему захотелось трижды плюнуть через левое плечо. С Сашей Мерцаловым он не встречался уже года три. Тогда, десять лет назад, адвокат Мерцалов проходил сначала подозреваемым, а потом свидетелем по делу об убийстве Авроры Городецкой. Оказалось, что он ни при чем, но нервы ему здо-

рово потрепали. Пономарев приложил немало усилий, чтобы помочь Мерцалову выпутаться. Тот оценил услугу.

«Я у тебя в долгу, Тема! – с чувством сказал он, обнимая сыщика. – Ты можешь рассчитывать на меня в трудную минуту».

Пономарев растрогался, вспомнил детство, потому что Темой его называла только бабушка, незабвенная и горячо любимая. С тех пор он относился к Мерцалову с теплотой и был рад его редким звонкам. Тот не навязывался с дружбой, но, когда Артем переживал трудные дни, посылал ему клиентов и давал необходимые советы. Потом, как водится, их отношения стали прохладнее, встречи все реже, и в последние три года прекратились. И вот... снова клиент от Мерцалова...

– Чем могу быть полезен? – осведомился Артем, замирая от нехорошего предчувствия.

– Прежде чем изложить суть дела, я бы хотел получить гарантии. Вы можете обещать полную конфиденциальность? У меня деликатная просьба...

– Неразглашение – это основа моей работы. Итак?

– Мне бы хотелось, чтобы вы... проследили за моей женой. Поверьте, я не ревнивец и не собираюсь затевать бракоразводный процесс. Но... меня кое-что настораживает в ее поведении. Вы женаты?

– Да.

– Тогда вам легче будет меня понять, господин Понома-

рев. Видите ли, я люблю жену и беспокоюсь о ее безопасности. Я не могу допустить, чтобы с ней случилась беда.

– Простите... вы не представились...

– Салахов, Юрий Арсеньевич. Вам знакомо мое имя?

– Я знаю, что вы платежеспособны, так что продолжайте.

Салахов усмехнулся.

– Тогда я, с вашего позволения, объясню, что меня волнует. Моя жена купила квартиру. Это было давно. Время от времени она туда навещалась, а потом мы уехали за границу. Оставили ключи соседям, чтобы присматривали. Это собственность жены, я не хотел вмешиваться и предоставил ей полную свободу. Недавно мы вернулись в Петербург, и оказалось, что во время нашего отсутствия некий молодой человек занял эту квартиру и устроил в ней спортзал. Что же собирается делать моя жена? Думаете, выгнать его? Ничего подобного. Она хочет выплатить ему кругленькую сумму, чтобы он соблаговолил купить себе другое помещение и съехать. Что вы об этом думаете?

– Не могу не согласиться с вами, господин Салахов, выглядит это странно, – сказал Артем, уже догадываясь, о какой квартире идет речь. Воистину, наступило время сюрпризов...

– Вот и я так считаю! – вздохнул Салахов. – Вы мне можете выяснить, что происходит? Я хорошо заплачу. Только... ради бога, действуйте крайне осторожно. Если жена узнает, она мне не простит!

– Может быть, не стоит рисковать? Раз ваша супруга...

– Нет! – перебил его Юрий Арсеньевич. – Я должен знать! Я больше не могу оставаться в неведении!

– Хорошо. Но предупреждаю вас, что у меня нет ни времени, ни людей для основательной слежки...

– Что вы! Какие люди? Я рассчитываю только на вас, господин Пономарев. И настоятельно прошу больше никого не вмешивать. То, что знают двое, уже не тайна! Я все понимаю и не буду вас торопить. Если сможете немного пролить свет на то, что происходит вокруг моей жены, я буду вам благодарен. Не сможете... значит, я оплачу текущие расходы и потраченное вами время. Никаких претензий с моей стороны.

– С вами приятно иметь дело, господин Салахов. Боюсь, вы меня уговорили. Я почти согласен.

Юрий вздохнул с облегчением. По крайней мере теперь он не будет один на один со своим непониманием.

– Я рад, что нам удалось договориться, – искренне сказал Салахов. – Есть ко мне еще вопросы?

– Что в поведении вашей жены особенно вас напрягает?

– Ну... ее стремление иметь свои деньги. Я человек обеспеченный, и жена ни в чем не нуждается. А ее то в казино тянет, то на биржу. Зачем?

Артем вдруг вспомнил старика Альшванга. Тот тоже регулярно посещал казино. А потом его квартиру купила супруга господина Салахова, и снова на повестке дня казино! Совпадение?

– И еще... – помешал его размышлениям Юрий Арсеньевич. – Она... куда-то ходит, тайком. Хотелось бы узнать куда. Это началось еще во время нашего свадебного путешествия. И с тех пор продолжается.

– Назовите мне свой адрес, а также адрес квартиры, которую купила ваша жена. Как ее зовут, кстати?

– Анна Наумовна... Левитина. Она не стала менять фамилию.

«Так я и знал, – подумал Артем, записывая адреса. – Квартира та самая, и дама тоже!»

– Между прочим, я живу в театральном доме, так что мы с вашей женой в некотором роде соседи.

На том конце трубки повисло молчание.

– Вы шутите? – растерянно спросил Салахов.

– Ничуть. Но ее фотография мне все-таки понадобится.

– Завтра она у вас будет...

Глава 8

Анна еле дождалась, пока необходимая сумма денег бу-

дет обналичена, и сразу решила ехать к Фариду. Юрий делал вид, что его не интересует, зачем ей деньги и куда она собирается их потратить.

– Дорогой, – сказала она ему за завтраком. – Я ведь не контролирую твои финансы. Как ты их зарабатываешь и традишь – твое дело.

Салахов чуть не подавился рогаликом, обильно посыпанным сахарной пудрой. Он действительно думал о том, что у Анны странные причуды и характер далеко не тот, каким казался. А главное – годы совместной жизни ничего не прибавили Юрию в понимании жены. Он вообще не заметил, как они пролетели, эти десять лет. Будто он заснул после свадьбы и проснулся только сейчас, за этим круглым столом, накрытым кружевной скатертью. Перед ним сидит Анна, еще моложе, чем была, еще более таинственная и непостижимая, и улыбается. Ей все как с гуся вода! Когда Юрий женился, он думал, что будет ее покровителем, защитником, станет осыпать ее деньгами и подарками, возить на модные курорты, в Альпы, на Канары. Он думал, что сумеет дать Анне все, чего только ее душа пожелает, и сделает ее счастливой и беззаботной. Разве мог он предположить появление в их жизни казино, биржи, тайных исчезновений Анны и ее скрытой от мужа, второй жизни?

– Ни второй, ни третьей жизни у человека быть не может, – усмехнулась жена, снова поймав его на крамольных мыслях. – Жизнь одна, как бесконечная дорога...

Салахов пил вторую чашку кофе, машинально наливая и не замечая этого. Возможно, он выпил бы и третью, но за ним пришла машина. Разговора с Анной не получилось. Он просто не знал, что говорить. С таким трудом придуманные слова казались пустыми и глупыми, как только он открывал рот и встречался с насмешливым взглядом супруги.

– Прости, Аннушка, мне пора, – сказал он, поспешно вскакивая со стула и целуя жену в щеку. – Опаздываю.

Салахов не мог отделаться от мысли, что женился он на одной женщине, спит с другой, а разговаривает с третьей. Иногда эти женщины как бы сливались в одну, ту самую Анну, в которую он влюбился стремительно и бесповоротно. Роковая страсть! Теперь он знал, что это такое. Но в постели, ночью... Анна была такая нежная, стыдливая... она казалась неопытной девочкой, и это возбуждало Юрия – он чувствовал себя мужественным и сильным, способным нести ответственность за них обоих. В любовной игре она отдавала ему ведущую роль. У нее были свои пристрастия и требования к любовнику, но она умела их завуалировать и незаметно добиваться желаемого. Ее вкусы в постели Юрий изучил лучше всего. А вот все остальное...

Черт! Он дошел до того, что нанял сыщика.

«Я поступил так из любви к Анне. Я боюсь ее потерять!» – твердил он себе.

Иногда он вспоминал, что послужило причиной знакомства с Левитиной. Его тщательно скрываемый страх сойти

с ума и желание разгадать тайну анонимных писем слились в одно – мучительную душевную боль. Он хотел избежать безумия, и вроде бы ему это удалось. Но разве не безумие – его любовь к Анне? Да, она помогла ему обрести равновесие и успокоила его, подсказав выход из положения. Одна проблема, наконец, разрешилась. Зато теперь в его жизни появилась новая тайна, еще более запутанная... Боже, как он устал!

Салахов почувствовал, что у него начинается головная боль. Ну вот, теперь целый день придется заниматься делами с жуткой ломотой в висках...

В офисе его встретила Люба с приветливой улыбкой, неизменно ровным настроением. Юрий после своего возвращения в Питер словно впервые ее увидел. Годы не прошли для нее бесследно, как и для него. Из тоненькой длинноногой девушки секретарша превратилась в прелестную молодую женщину, и морщинки, залегшие между бровей, под глазами и у губ, ничуть ее не портили. Элегантный костюм, белоснежная блузка, модная прическа и маникюр делали Любочку неприступно-официальной, но только не для Юрия. Он наконец заметил, как начинает светиться ее лицо, стоит ему переступить порог приемной.

«Это простая, обыкновенная женщина, которая не будет ничего скрывать, окутывать туманом и пускаться в какие-то дикие, необъяснимые авантюры», – подумал он.

– Давайте поужинаем сегодня вместе, по случаю моего

приезда, – неожиданно вырвалось у него.

Любочка вся засияла, как фианиты в ее колечках. «Свершилось! – ликовала она. – Юрий Арсеньевич устал от старой жены, как и должно быть. Наступает мое время, и уж на сей раз я своего не упущу!»

* * *

Анна позвонила Фариду Гордееву сразу после ухода мужа. Тот подумал немного, быстренько отправил всех спортсменов восвояси и сбегал в магазин за хорошим вином. Такая женщина, как Анна Наумовна, встретилась ему впервые. В ней ощущалось что-то запредельное... Она напоминала Фариду гейшу, хотя в ней не было ровным счетом ничего восточного. И почему, собственно, гейшу? В Анне Наумовне скорее можно заметить черты повелительницы... Непонятная дама! Отчасти Кора права насчет денег. Сумма огромная, а ему не ставят никаких условий, не требуют процентов, вообще ничего! Разве это не странно? Заниматься восточными боевыми искусствами дама, конечно же, не собирается, это была шутка, которую Фарид принял за правду.

– О чем задумались, господин Гордеев? – спросила Анна Наумовна, уже минуту наблюдая за тяжким мыслительным процессом, протекающим в его голове.

– О вас, – ответил он, поднимая на гостью темные глаза.

– Мне нравится, когда мужчины думают обо мне, – ска-

зала она, присаживаясь на край стула. – И что вы обо мне думаете?

Фарид неопределенно развел руками. Анна Наумовна любила, когда сильные мужчины, такие, как Гордеев, терялись и не знали, как себя вести. Это ее забавляло.

– Вы смутили меня, – признался он. – Но я соберусь с мыслями и все-таки отвечу.

– Я подожду. Только не долго. У меня бурный темперамент, – она засмеялась. – Ну, куда побрели ваши мысли? Зовите же их сюда! У вас есть волшебная дудочка?

Гостья откровенно веселилась, но это не раздражало Фариду. Ему все больше нравилась Анна, ее манера говорить, шутить, хмурить брови. Казалось, глядя на нее, он узнавал что-то давно забытое...

– Мне становится не по себе рядом с вами, – серьезно сказал он. – Не могу понять почему... Но я не привык сдаваться. Каждую загадку можно отгадать.

– Похвальное качество, – улыбнулась Анна Наумовна. – И редкое. Только, позволю себе заметить, не всякая разгадка приносит желаемое удовлетворение. Некоторые сундучки лучше оставить закрытыми.

– Хотите выпить? – спросил Фарид.

Он чувствовал волнение и надеялся, что вино поможет с ним справиться.

– Пожалуй...

Она молча смотрела, как Гордеев наполнял бокалы ви-

НОМ.

– За нашу встречу, – сказал он, легонько чокаясь. – Я не верю в случайности. А вы?

– Знаете, в чем преимущество женщин? – задумчиво произнесла гостья. – Они могут не снимать головного убора, не скрывать своего страха и оставлять вопрос без ответа.

– Тогда я рискну задать еще один. Почему вы даете мне деньги?

– Ах, деньги? Они здесь. – Анна Наумовна показала рукой на небольшую спортивную сумку, которая стояла в уголке у двери. – Я хочу, чтобы вы продолжали заниматься тем, что вам по душе. Мужчина-воин... Это не часто встречается.

– Вы понимаете, что я вряд ли смогу вернуть вам долг?

– Долги! – усмехнулась она и повела плечами. – Может статься, это я их вам возвращаю... Все так запутано!

Фарид испугался, что она сейчас встанет, улыбнется на прощание и уйдет...

– Вы будете жить в этой квартире? – спросил он, чтобы задержать ее хоть на минуту.

Но гостья, похоже, не торопилась.

– Не знаю, – лениво ответила она, удобнее устраиваясь на стуле. – Я еще не решила. А теперь моя очередь задавать вопросы.

Фарид кивнул.

– Это справедливо. Я готов.

– Расскажите мне о себе. Почему вы уехали из Петербур-

га? Не любите городскую жизнь?

Он пожал плечами.

– Если бы я знал! Так... потянуло вдруг на просторы. Здесь мне как будто не хватает чего-то... да и скучно! Мелководье...

– Что?

– Мелководье. – Фарид пояснил: – Настоящая океанская рыба уходит на глубину, в синюю бездну. Там ее стихия. Есть где разгуляться... А мелкая вода привлекает мелкую рыбешку.

– Вы рыбак?

– Немного. Плавал на «Хабаровске» – это такое большое рыболовное судно. Охотился, лес сплавлял, одно время на приисках работал. Наверное, искал себя. Да так и не нашел! Вернулся в родной город, тоскую по морю, по степным просторам... нигде не могу обрести покоя. Странник я... Или заблудился. Теперь вот ищу дорогу, а спросить некого.

Анна молчала, ждала продолжения. Но Гордеев ушел в себя, замкнулся.

– А почему вернулись? – спросила она.

Гордеев махнул рукой. В раскрытое окно влетела оса и, жужжа, устремилась к фруктам в вазе.

– Глупо получилось. Повел себя, как это насекомое! На сладкое потянуло... Только человек не оса, с него спрос другой.

– Женщина? – догадалась Анна Наумовна. – Красивая?

– Как утренний рассвет, – мечтательно произнес Фарид. – Только не любил я ее. Спали вместе – это было. Но... оказывается, секс и любовь – разные вещи! Грустная получилась история...

– Мне пора, – гостя встала и подошла к Фариду, легко коснулась губами его щеки. – Я была рада вас увидеть. Надеюсь, что смогла быть полезной. Думаю, мы еще встретимся. Хотя...

Гордеев опомнился, когда уже хлопнула входная дверь.

«Я ее даже не проводил! – запоздало спохватился он. – Столбняк на меня нашел, что ли? Застыл, как истукан. Вот черт! Неудобно...»

Его даже не радовали деньги, оставленные Анной Наумовой. То есть, это, конечно, хорошо, но... Фарид отчего-то расстроился. С горя выпил всю бутылку и сидел, следя глазами за летающей по комнате осой, пока в квартиру не ворвалась взволнованная Кора Танг.

– По какому случаю пьянка? – возмутилась она. – Что с тобой?

– Я оса... – сказал Гордеев, поднимая на нее мутные, больные глаза. – Ты понимаешь?

– Понимаю! – она со злостью схватила со стола пустую бутылку и бросила ее в ведро. – Приходила твоя благодетельница?

– Угу. – Фарид кивнул головой в сторону сумки. – Вон деньги.

Кора открыла молнию и ахнула. Никогда в жизни ей не приходилось видеть такое количество американской валюты.

– И это тебе за красивые глаза?

Гордеев молчал. У него болело сердце, ныло, как перед неизвестной опасностью.

– Чего молчишь? – разозлилась Кора. – Дар речи пропал от счастья?

– Р-разве ты не рада?

– Еще как рада! Особенно после того, что мне удалось узнать. Я-то, в отличие от тебя, не сидела на заднице и не тянула вино, а занималась делом.

– Каким?

Фарид начинал медленно приходить в себя, глядя на взбешенную Кору.

– Ты знаешь, кто твоя мадам Щедрость? Это жена Юрия Салахова! Слышал о таком?

Фарид отрицательно покачал головой. Он действительно не знал никакого Салахова, но слова Кору о том, что Анна Наумовна чья-то жена, неожиданно отозвались в его душе тоскливым сожалением.

– Что за Салахов? Кто он такой?

– Денежный мешок – вот кто! Квартиру эту он ей купил! Где его жена деньги взяла, по-твоему? У мужа позаимствовала. Интересно, она удосужилась его согласия спросить? Как ты думаешь?

С каждым словом Кору Фарид все больше трезвел. Си-

туация выглядела не совсем благополучно. Более того, она могла обернуться крупными неприятностями.

– Ты серьезно? – спросил он у Кору. – Не ошибаешься?

– Боже мой! Конечно же нет! Я обратилась к профессионалу, он все выяснил. В этой квартире раньше жили мать с дочерью. Потом дочь попала под машину... Ходили слухи, что здесь обитает нечистая сила. Ерунда и сплетни, разумеется, а вот то, что квартира долго не продавалась – чистая правда. И тут появляется милейшая Анна Наумовна и сходу ее покупает. Странно, да?

Фарид кивнул.

– Ты что, наняла детектива?

– Пришлось. Жаль, дорого берет парень. Буду дальше следить за ней сама.

– Что ему еще удалось выяснить?

– Только то, что театральный дом пользуется дурной славой. В той квартире, где живет профессор Рубен, женщину убили, бывшую хозяйку. Наверное, старик не знает об этом. А квартира, в которой ты спортзал устроил, вообще проклятая – так люди говорят. Недаром и жена Салахова в ней почти не жила. Около года наведывалась, а потом – сам знаешь, уехала, и с концами!

– Глупости! Сколько мы тут с ребятами занимались, сколько раз они ночевать оставались – никогда никто не жаловался. Я тоже ничего *такого* не замечал. А ты?

Кора подумала, накручивая на палец длинную прядь во-

лос.

– Нет, – вынуждена была признать она. – Я тоже никаких чертей здесь не видела. Квартира как квартира.

– Ну вот! Мало ли, что люди болтают...

– Допустим. А как эта «меценатка» выглядит? Ты ее как следует рассмотрел? Она, оказывается, на двенадцать лет старше своего муженька. Представляешь? И как такая баба его на себе женила! Отравы, что ли, какой в еду насыпала?

Фарид неопределенно хмыкнул. Анна Наумовна показала ему довольно молодой женщиной. Сколько ей можно было дать? Лет тридцать от силы. Выходит, ее супругу восемнадцать? Когда же он успел бизнес наладить, капитал заработать?

– Сколько они женаты? – уточнил Гордеев.

– Говорят, лет десять.

– Не может быть! Анне Наумовне самое большое – тридцать пять, и то с натяжкой. Она что же, за ребенка замуж выходила?

– Да-а, – вздохнула Кора. – Вижу, она и тебя охмурила. Каких тридцать пять? Опомнись, очарованный странник! Ей пятьдесят один год! Мне сыщик сказал. Ошибки быть не может.

– Подожди, – опешил Фарид. – Я что-то не понимаю...

– Что тут понимать?! – вспылила Кора. – У тебя из-за ее баксов соображение отшибло! В упор видеть перестал!

– Может, она пластическую операцию делала за границей?

Ей-богу, Кора, если бы ты ее видела...

– Ладно, не заливай! – грубо перебила она. – Признайся, что ошалел от счастья, и пятидесятилетняя баба показала тебе аленьким цветочком! Не каждый день такая халява прет. Так что можно тебя понять.

Гордеев молчал, обдумывая услышанное, и вспоминал лицо Анны. Он, конечно, особо не присматривался, но...

– Не может быть! – упрямо повторил он, чем окончательно вывел из себя Кору.

– Ты что, влюбился? – ее голос срывался от злости, на щеках выступили красные пятна. – Или хочешь быть на содержании у старой карги? Думаешь, она будет решать все твои проблемы?

– Зачем ей это нужно? – растерянно спросил Фарид то ли Кору, то ли самого себя.

– А ты не догадываешься? Наивный... Да она хочет тебя! Увидела – и захотела. Чем ей еще заниматься? Денег куры не клюют, свободного времени – завались! Ты растаял, поверил, будто она интересуется боевыми искусствами! – Кора неестественно громко захохотала. – Ой, не могу! Держите меня! Глупенький маленький мальчик Фарид влюбился в тетеньку! Он будет целовать тетеньке пальчики, а тетенька купит ему за это мороженое!

– Прекрати! – Фарид схватил Кору за плечи и резко ее встряхнул. – У тебя истерика. Неужели ты ревнуешь?

– Почему ты ни разу не говорил, что любишь меня?

Вопрос поставил Гордеева в тупик. И правда, почему? Любит ли он Кору? Он ни разу не задумывался о любви, так же, как в своих отношениях с Йоко. Ему нравилась близость с ней, только и всего.

– Тебе плохо со мной? – спросил он в продолжение своих мыслей.

Кора растерялась. То, что они любят друг друга, казалось само собой разумеющимся. Ей и в голову не приходило, что для него все по-другому.

– Почему ты спрашиваешь? Это из-за нее?

– При чем тут она? Ты можешь просто ответить, что тебя не устраивает?

– До сих пор, пока не появилась эта... – Кора заплакала. Слезы градом катились по ее смуглому лицу. – Пока ты не увидел ее...

Она зарыдала. Фарид рассеянно слушал ее бормотание попеременно со всхлипываниями. Пожалуй, он не пытался узнать Кору поближе, не хотел. Его устраивало то, что было между ними, и ничего большего он не желал...

Глава 9

– Папа! А Марта хочет косточку проглотить! – запыхавшись от быстрого бега, радостно сообщил Марк.

– Какую косточку? – не сразу сообразил Артем, который брлся в ванной, одновременно прикидывая, что ему сегодня предстоит сделать.

– Абрикосовую! – еще радостнее пояснил Марк, прыгая на одной ноге.

– Что же ты стоишь? – возмутился Артем. – Беги и отбери у нее!

Мальчик с готовностью кинулся в детскую, где на маленьком столике Динара оставила детям тарелку абрикосов. Марта, вся перемазанная оранжевой мякотью, разламывала очередной плод. Ее щеки подозрительно оттопыривались, из чего можно было заключить, что во рту Марты уже не одна косточка, а две.

– Выплюнь! Выплюнь! – без особого успеха убеждал сестренку Марк.

Вошедший в детскую Артем застал уже другую картину. Мальчик бесцеремонно залез рукой в рот Марты и вытащил сначала одну косточку, а потом другую. Она привыкла к подобному обращению и не особо протестовала.

– Идите к маме! – скомандовал Артем. – Она даст вам творожной запеканки.

Дети наперегонки бросились по коридору на кухню, откуда плыли восхитительные запахи корицы и ванили. Близнецы обожали сладкое, и предлагать им на завтрак что-то дру-

гое просто не имело смысла. Няня постоянно ворчала по этому поводу, взывая к совести «бесхарактерных родителей», которые идут на поводу у детей и кормят их чем попало. Артем и Динара привыкли к недовольству Зои Петровны и не обращали внимания. Слава богу, близнецы выздоровели, и теперь с ними можно целые дни гулять. На улице они вели себя гораздо приличнее, чем дома.

– Опять сладкое! – возмутилась нянька, переступая порог квартиры и учуяв аромат запеканки. – Наказанье мне с вами! Диатеза еще только не хватало.

Но никакого диатеза у близнецов сроду не было, несмотря на огромное количество поедаемых пирожных, тортиков, вафель, халвы и конфет. Они отличались отменным здоровьем, если не считать обычных детских инфекций, да и те Марк и Марта подхватывали редко. В основном, они носились, как два неутомимых маленьких мустанга, и придумывали себе развлечения, одно изобретательнее другого.

Артем и Динара с облегчением вздохнули, передав детей на попечение Зои Петровны, и засобирались на работу.

– Посмотри, – сказал Артем, показывая жене любительскую фотографию.

Молодая женщина стояла между обломков античных колонн на фоне синего моря и неба. Светлое летнее платье обвивало ее ноги, она придерживала рукой соломенную шляпу, которую ветер старался сорвать с ее головы.

Динара мельком глянула на снимок.

– Ничего дамочка... Кто это?

– Объект наблюдения, – коротко ответил Артем. – Муж хочет узнать подробности частной жизни своей супруги.

– Дай-ка сюда. – Динара взяла снимок в руки и начала пристально его разглядывать. – Тут едва можно различить лицо. Получше у любопытного мужа ничего не нашлось?

– Нет. Он объяснил, что жена не любит фотографироваться.

Динара удивленно фыркнула.

– При современных технических средствах на это не надо спрашивать разрешения!

– Согласен. Но господин Салахов панически боится, что супруга догадается... Он умолял меня быть крайне осторожным и деликатным. И выразил готовность удвоить тариф, только бы слежка не была замечена.

– Как ты сказал? – переспросила Динара. – Господин Салахов?! Ну-ка, дай сюда фотографию!

Она впиалась глазами в лицо женщины на снимке.

– Узнаешь? – спросил Артем.

– Это же... наша соседка! Та, что купила квартиру Альшванга. Она что, жена Салахова? Того самого?

– Если под «тем самым» ты подразумеваешь известного бизнесмена, то да.

– Странно... – Динара не могла оторваться от фотографии. – Неужели все-таки она? Такая молодая... Это что, давнишний снимок?

– Салахов сказал, что прошлогодний.

– Да? – удивилась Динара. – Впрочем, резкость плохая, и свет неудачно падает, так что... Все равно, странно...

– Что ты о ней знаешь?

– Почти ничего, как и остальные соседи. Я даже забыла, что она вышла замуж за Салахова. Столько лет прошло. Сейчас в ее квартире Фарид устроил спортзал.

– Она ему разрешила?

– Думаю, он сделал это самовольно. Квартира долго стояла пустая, никто ею не интересовался, вот он и рискнул. Незаконно, конечно.

Динара отдала снимок мужу.

– Где мой галстук? – спросил Артем, роясь в шкафу.

– Посмотри в детской...

Динара была поглощена мыслями о жене Салахова. Каким образом судьба собирает людей вместе, сталкивает их друг с другом или разъединяет?

– Ты только полюбуйся! – ворвался в гостиную Артем. – Они сделали из галстука уздечку для своей лошади!

– Артем, – она с тревогой смотрела на мужа. – Салахов хочет, чтобы ты проследил за его женой?

– Именно так. И готов хорошо заплатить.

– Мы сможем обойтись без этих денег?

Пономарев был раздражен из-за испорченного галстука и не сразу понял, куда клонит Динара.

– В чем, собственно, проблема? Работа обычная – выяс-

нить подробности из жизни женщины. Она не киллер, не политик, не знаменитость и не криминальный авторитет. Что тебя беспокоит?

– Артем, я очень редко вмешиваюсь в твои дела. Правда?

– Правда.

– И очень редко настаиваю, чтобы ты сделал по-моему. Правда?

– И это правда. Что...

– Выслушай! – перебила его Динара. – Я не хочу, чтобы ты следил за этой дамой.

– Ты что, ревнуешь?

Он улыбнулся и попытался поцеловать жену, но та уклонилась.

– Не говори глупостей! – рассердилась она. – Я не шучу! Эта женщина... тебе не нужно связываться с ней. Вообще никак! Понимаешь?

– Стараюсь...

Похоже, ревность вспыхнула, как вулкан. Цыганская кровь! Лучше не дразнить Динару. Придется сделать вид, что послушался, решил Артем. Иначе не миновать семейного скандала.

– Я все понял, дорогая, – дурашливо поднимая руки вверх, сказал он. – Сдаюсь, сдаюсь. В конце концов, слезка – давно не мое амплуа.

– Дай мне слово, что не будешь вмешиваться в жизнь этой дамы ни под каким предлогом! – сверкая глазами, потребо-

вала Динара.

Здорово ее проняло! Ишь, глаза горят, как у пантеры! Бешеный темперамент жены приводил Пономарева в умиление.

На работу они ехали молча.

– У тебя есть сигареты? – спросила Динара уже в офисе.

– Для тебя, любовь моя, все, что угодно, – поклонился Артем, подавая ей пачку «Давидофф».

– Чем ты собираешься заняться?

– Почитаю кое-какую писанину... потом поеду, поговорю с Сашей Мерцаловым. Давно не виделись. Закуришь?

Она покачала головой, отказываясь от зажигалки, заботливо поднесенной супругом.

– Покурю у себя в кабинете, в тишине. Хочу подумать...

– Тоже правильно, – неопределенно хмыкнул Артем, скрываясь за своей дверью. – И мне есть о чем подумать.

Он приказал секретарше никого к нему не впускать, закрылся и достал из сейфа записки маньяка. Прежде чем углубиться в темные глубины чужой души, Пономарев завел маленький будильник, который должен был позвонить ровно через час. Уже десять утра, а на полдвенадцатого у него назначена встреча с Мерцаловым...

...Тот незабываемый момент перевернул мою жизнь, – я потерял интерес к живым женщинам. Противные, эсманные притворы или злобные ведьмы – вот кем они ста-

ли для меня. Только мертвые они становятся настоящими, какими должны были быть по замыслу Божьему – покорными, нежными и безмолвными. Никаких лишних жестов и пустой болтовни – полное, безоговорочное послушание. А какими они делаются красивыми, спокойными и безмятежными. Им ничего больше не надо, кроме любви – ни денег, ни славы, ни детей, ничего важнее меня, из-за чего они могли бы изменить мне. Предательство – вот что заключено в каждой женщине. Это предательство незаметно зреет, готовое свершиться в любую минуту! Но покойница лишена и этого, – она уже не предаст, не изменит. Она моя и только моя.

Странно, что моя страсть так долго не проявлялась в полную силу. Она как будто заснула после первой брачной ночи с Принцессой в темном и холодном морге... Я вел обычную жизнь, неотличимую от жизни сотен, тысяч моих сверстников. Я ходил на работу, гулял, иногда посещал вечеринки. По вечерам я зубрил предметы, которые предстояло сдавать в институт. Я был порядочным молодым человеком, без вредных привычек, как принято говорить. К алкоголю и сигаретам равнодушен, к наркотикам тем более. Разгульная жизнь меня не прельщала. Женщины! У меня к ним особая, ни с чем не сравнимая любовь, чистая, как у Грязя, который приплыл к Ассоль на алых парусах...

Отец с матерью еще не знали, что я отказался от карьеры медика. Я решил не расстраивать их ранние времена. По-

чему профессия врача перестала меня привлекать? Затрудняюсь ответить. Может быть, потому, что медицина не приветствует смерть и даже некоторым образом пытается с ней бороться. У меня же другое отношение к Смерти. Она – моя союзница, наперсница моей любви. Я не могу действовать против нее. Она – волшебница, превращающая подделку в истинную драгоценность.

Итак, через год я объявил, что хочу получить техническое образование. Надо отдать должное моим родителям – они с честью выдержали удар. Мама робко заикнулась о факультете журналистики, отец грозно молчал целую неделю, делая вид, что не замечает меня. В конце концов они оттаяли. Я, как мог, объяснил им, почему изменил свои планы. Сказал, что желаю быть на переднем крае строительства прекрасного будущего, и они меня поняли.

Я поступил в институт и стал примерным студентом – активистом, отличником и неизменным участником стройотрядов. Погружаясь в учебу или работу, я забывал о своей тоске, о любви к несуществующей Принцессе. Безделье сводило меня с ума, и я превратился в трудоголика. После института отец помог мне устроиться на работу, а мама начала регулярно заводить разговоры о женитьбе. Я и слышать об этом не хотел. Но потом все же решился на брак с милой, тихой девушкой. Вопреки терзавшим меня опасениям, семейная жизнь потекла обыкновенно, как у всех. Близость с женой волновала меня не больше, чем прогноз пого-

ды, но я честно исполнял супружеские обязанности.

Отец мой к тому времени скончался – он был фанатиком своей работы и отдал ей все силы. Мама вернулась в Москву, где у нее оставались родственники; столичную квартиру разменяли на однокомнатную в Москве для мамы и отдельную квартиру для нас, в Питере.

Новая квартира поначалу принесла много радости. Но скоро жена моя, женщина добрая и покладистая, начала невероятно раздражать меня. Между нами то и дело возникали мелкие стычки, вспыхивали ссоры. По ночам я видел в снах Принцессу и уже не мог сдерживать желание снова пережить то незабываемое ощущение, тот неповторимый экстаз! Кафель стен и холод возбуждали меня, вызывая в памяти помещение морга и наслаждение, пережитое тогда. Я страдал... Жажда мертвой плоти стала сильнее меня. С утра до вечера я был поглощен тем, что искал женщину, которая подарит мне то, о чем я мечтал.

Веронику Лебедеву я увидел в театре, куда меня потащила жена, и с тех пор потерял покой. Я ходил на спектакли с ее участием. Я пожирал ее глазами, а по ночам писал стихи, посвященные ей. Я не мог думать ни о чем, кроме нее...

Конечно, не имело смысла ухаживать за такой красавицей, как Лебедева. Она актриса – не только на сцене, но и в жизни. Я уже знал, что это такое. Только мертвая она полюбила бы меня. И все же я сделал попытку... бесплодную, как когда-то с Принцессой. Я дождался Лебедеву после вы-

ступления, чтобы передать ей букет, куда была вложена моя поэма о любви. Она, не глядя, взяла букет из моих рук, небрежно кивнула и торопливо пошла к машине. По дороге листок со стихами выпал, Лебедева наступила на него, садясь в ожидающее ее такси, и уехала.

Когда все разошлись, я поднял из лужи свою поэму и порвал ее на мелкие клочки. Разбрасывая обрывки, я придумывал способ, как можно лишить женщину жизни без ущерба для ее красоты. Работа в морге не прошла для меня даром, и скоро способ был найден. Дома я не мог изготовить орудие убийства – моя жена, любопытная, как ворона, всюду совала свой нос и могла заподозрить неладное; пришлось делать это на работе.

Итак, я взял самую толстую иглу, которую смог раздобыть, прочно припаял ее к наперстку – и мое оружие было готово. С виду оно напоминало огромную булавку, которую я мог прятать за подкладкой или во внутреннем кармане пиджака. В нужный момент наперсток легко надевался на указательный палец. Чтобы не вышло осечки, я долго тренировался, нанося удары иглой. Наконец я приобрел необходимый навык.

Теперь мне нужно было проследить за Вероникой Лебедевой, узнать ее адрес, потому что наша брачная ночь должна состояться в ее спальне. Именно там все и произойдет!..

Пронзительный звонок будильника вывел Артема из ски-

таний по мрачному миру убийцы. Через полчаса он должен быть у Мерцалова.

Динара консультировала клиента, и Артем не стал отвлекать ее. Он вышел и направился к автомобилю, припаркованному в закрытом двореке позади офиса. Стоял теплый летний день. Тополя шелестели серебристой от пыли листвою.

Пономарев медленно выехал на проспект и встроился в поток машин. Ему удалось добраться до конторы Мерцалова быстрее, чем он ожидал.

Адвокат обретался там же, где и десять лет назад, только интерьер его приемной и кабинета стал гораздо шикарнее. Стекло и дерево, картины на стенах, кожаная мебель ласкали глаз.

– Тема! – радушно приветствовал он Пономарева. – Страшно рад тебя видеть! Пошли, выпьем по поводу встречи. Я приготовил пиво и креветок. Видишь, я помню твои вкусы.

Мерцалов облысел, раздобрел, его движения приобрели достоинство и плавность. Мужчины расположились в кабинете, где на столе стояло пиво, креветки и нарезанная ломтиками семга.

– Я вообще-то по делу, – сказал Артем. – Но сначала отдам должное угощению. Ты все такой же гурман.

– Одна из радостей жизни! – добродушно захохотал Мерцалов. – Водки мне теперь нельзя... так что приходится до-

вольствовать малым.

– Чего вдруг?

– Язва, давление... – вздохнул адвокат. – Это все работа!

Сплошные нервы. Ну, давай.

Он сразу выпил половину запотевшего стакана.

– Теперь можно и о деле.

– Ты Салахова давно знаешь? – спросил Артем.

– Я так и думал, – отправляя в рот кусочек семги, сказал Мерцалов. – Тебя что-то настораживает?

– Извини... но почему ты сам не взялся помочь ему?

– У него просьба связана с сыском, наружным наблюдением, как я понял. Это не мое. Я адвокат, моя область – право.

– Но у тебя же есть люди...

– Брось! – Мерцалов махнул пухлой рукой. – Какие это специалисты? Так... мальчишки на подхвате. А ты – профессионал. Не буду же я рекомендовать уважаемому человеку кого попало? Я должен блюсти репутацию. Юрий Арсеньевич оч-чень серьезный мужчина, с ним шутки плохи.

– Что же он со своей женой разобраться не может?

– У каждого свои слабости, мой друг! – назидательно произнес Мерцалов. – Женщины... они, брат, существа из иного мира. Нам с ними бывает ох как непросто.

Только сейчас Артем заметил на толстом пальце адвоката обручальное кольцо.

– Саша! Ты женился?!

Мерцалов откинулся на спинку кресла всем своим туч-

ным телом и мечтательно закатил глаза.

– Представь себе, Тема! Рискнул на старости лет... Сколько можно одному куковать?

– Никитского помнишь? – как бы между прочим спросил Артем и заметил, что адвокат сразу напрягся.

– Как не помнить? А почему интересуешься?

– Просто захотелось поговорить о старых знакомых...

– Никитский! – фыркнул адвокат. – Вечно вокруг него неприятности. Причем смолоду. Помнишь, его подозревали в убийстве Авроры?

Артем кивнул.

– Так вот. Это с ним не впервые! Будучи студентом, Дима встречался с одной девушкой... а потом ее убили.

– Что-о? – удивился Пономарев. Такого поворота он не ожидал. – Убийцу нашли?

– Нет... Кажется, это была групповуха. Девушку изнасиловали и убили. Произошло все поздно вечером или ночью. Куда она шла и как попала на окраину города, я уже не помню. Но... Диму тогда долго таскали в милицию. Доказать ничего не смогли. Экспертиза показала, что нападавших было несколько, и от Никитского отстали. Он был примерным студентом, с плохими компаниями не водился... в общем, его оставили в покое. Все поверили, что он ни при чем. Кроме меня...

– Почему?

– Видишь ли... та девушка была подругой моей первой

жены, Насти. Знаешь, как девчонки дружат – никаких секретов друг от друга. Как-то Настя мне призналась, что погибшая боялась Димы. Будто бы он хотел ее убить. Бред, конечно! Я тогда не придавал значения ее словам. И вспомнил об этом, только когда погибла Аврора и мы с Димой оба оказались под подозрением. Мне сразу пришло в голову, что он убийца. Признаюсь, ошибся. Ведь убийства прекратились! Значит, маньяк либо умер, либо уехал. А Никитский продолжает жить в Питере, на той же улице, руководит той же фирмой.

– Да, странно...

– Что, опять всплыла старая история? Кого-то убили?

– Пока нет.

– Ф-фу... как ты меня напугал, – вытирая салфеткой пот со лба, сказал Мерцалов.

– Саша, а почему ты тогда мне не рассказал всего?

Мерцалов вскочил с кресла и начал шагать по кабинету из угла в угол, размахивая руками и отдуваясь.

– Я же адвокат, Тема! И прекрасно понимал, как мои показания могут отразиться на следствии. Ведь тогда, в молодости, вина Никитского не была доказана. Девушку убивала группа! Зачем ворошить прошлое?

Артем вышел от Мерцалова с тяжелым сердцем. Тени страшных событий омрачали и без того хмурое петербургское лето...

«Нужно снова заняться Никитским, – решил Артем уже

в машине, возвращаясь на работу. – Галина Павловна, моя клиентка, – сотрудница его фирмы...».

Глава 10

Корреспонденцию, адресованную лично шефу, никто не имел права просматривать. Поэтому Любочка отнесла полученное вчера вечером письмо на стол Юрию Арсеньевичу и положила на видное место.

Она пребывала в некоторой растерянности по поводу Салахова. Радостная надежда, загоревшаяся в ней, когда он пригласил ее поужинать вместе, медленно угасала. Они поехали в ресторан гранд-отеля «Европа». Элегантная роскошь ресторана действовала на Любочку подавляюще.

Метрдотель проводил их к изящно сервированному столу в углу зала. Салахов отчего-то чувствовал себя скованно. Он сделал заказ, рассеянно глядя по сторонам, забыв предоставить выбор блюд даме. Любочка сидела ни жива ни мертва, замирая от предвкушения того, чем может закончиться для нее этот вечер. В такие шикарные заведения женщину просто так, от скуки, не приглашают.

– Здесь бывали Билл Клинтон и принц Чарльз, – сказал Юрий.

Он понимал, что должен поддерживать светскую беседу, развлекать даму, но ничего путного, как назло, не приходило на ум. Любочкины огромные глаза, наполненные ожиданием, начали раздражать его. Чего она уставилась?

– Выпьем?

Она послушно кивнула, не спуская с него глаз. Ее пальцы с безукоризненным маникюром мелко дрожали.

«Что за черт? – подумал Юрий. – Зачем я здесь, с чужой, ненужной мне женщиной? Я не могу дать ей то, чего она ждет от меня. Почему она такая испуганная? Анна другая – она везде умеет чувствовать себя хозяйкой... Она могла бы прийти в этот ресторан без прически и в дырявом платье, но

каждый официант безошибочно распознал бы в ней королеву и счел бы за честь служить ей. А эта...»

Он, скрывая брезгливую гримасу, окинул секретаршу взглядом. Вырядилась, как на подиум! Небось и в парикмахерскую сбегала. Под платьем у нее кружевное французское белье... это обязательно. А в сумочке наверняка презервативы со вкусом банана. Боже, как глупо!

У него свело скулы от невыносимого желания встать и уйти, не прощаясь, не оглядываясь.

– Когда-то я видел здесь Катрин Денев, – сказал Юрий, изо всех сил стараясь играть роль кавалера.

– Она уже старая... – Любочка кокетливо повела накрашенными глазками. – Какая она вблизи?

– Потрясающе, ослепительно прекрасная! – с искренним восхищением ответил Салахов. – Каждая ее морщинка – это поэма о затаенной страсти и обещании любви. Она великолепна!

– В ее-то возрасте? – удивилась Любочка.

– У истинной женственности нет возраста...

– Говорят, у нее веснушки, – хихикнула секретарша.

«Как она вдохновенно, девственно глупа! – подумал Юрий. – Даже смеяться не хочется. Пустышка в красивой обертке... Но почему я сижу с ней за одним столиком, разговариваю?»

– Потанцуем? – предложил он, чтобы хоть чем-то заполнить время.

Любочка с готовностью вскочила, не дожидаясь, пока он отодвинет ее стул. Она вся дрожала от возбуждения. Медленные звуки танго напомнили Юрию, как он десять лет назад танцевал с Анной... волнуясь, словно перед прыжком в небытие... Те минуты упоения остались в памяти столь же острыми, незабываемо трепетными. Ни годы, ни привычка оказались не властны над ними. Впрочем, разве он привык к Анне? Его отношение к ней можно назвать как угодно, но только не привычкой...

– Во что она была одета? – спросила Любочка.

Юрия словно окатили ведром холодной воды.

– Кто?

Он думал об Анне, представляя ее лиловое платье, фиалки в надушенных волосах.

– Ну, Катрин Денев!

– Точно не помню, – буркнул Юрий. – Кажется, в черное платье.

– А драгоценности на ней были? Бриллианты?

– Нет. Ничего – только длинное черное платье.

Любочка была разочарована. Знаменитости – самые обычные люди. Чего вокруг них столько шумихи?

Юрий догадался, о чем она думает. Ему захотелось возразить.

– Катрин Денев так хороша, что любое украшение блекнет перед ее красотой.

Секретарша смотрела на него с наивным недоумением.

«Она ничего не понимает, – думал Салахов, обнимая в танце ее горячее тело. – Наверное, решила, что я умираю от желания переспать с ней, за тем и пригласил сюда. Что-то вроде предоплаты. Фу, как нелепо вышло!»

Танец кончился, и Юрий проводил Любочку к столику. Говорить было не о чем, поэтому после десерта господин Салахов предложил проехаться по городу. Она с радостью согласилась.

«Наконец-то! – замирая от восторга, думала Любочка. – Наступает миг, о котором я мечтала все эти годы!»

По дороге Юрий подал знак водителю остановиться и вышел. Вернувшись с букетом роз, он преподнес цветы секретарше. Надо же как-то сгладить ситуацию. Женщина ждет, что они сейчас поедут в гостиницу, закроются в номере и...

Словом, надеждам Любочки не суждено было сбыться, во всяком случае, в этот вечер. Салахов проводил ее домой, поблагодарил за приятно проведенное время и... уехал. Она не спала всю ночь, теряясь в догадках, чем не угодила шефу. Слезы текли ручьями. Ну что за невезение? Все так замечательно складывалось – пригласил на ужин, повез в «Европу», подарил обалденные розы и... ничего?!

Под утро Любочке удалось убедить себя, что Юрий Арсеньевич не кобель какой-нибудь, а приличный, интеллигентный мужчина, и тащить даму в постель после первого же свидания ему не пристало. У них все еще впереди – и признания, и прогулки при луне, и поцелуи, и секс...

Но Салахов как будто забыл о проведенном вместе вечере, и не то что не ухаживал, а даже избегал Любочки. Она кусала напояженные губки и сдерживала готовые вот-вот хлынуть слезы.

Юрий действительно старался поменьше общаться с секретаршей, испытывая некоторую неловкость. Он не понимал, что за порыв заставил его провести вечер с Любочкой. Не иначе, бес попутал!

Вот и сегодня он норовил быстрее миновать приемную и закрыться в кабинете. Но Любочка поднялась ему навстречу, вышла из-за стола и, понизив голос, сообщила:

– Вам пришло письмо, Юрий Арсеньевич...

– Давайте! – коротко бросил он, изображая занятость.

– А... я его вам на стол положила...

Секретарша стремилась хоть чем-то привлечь его внимание и исключительно из этих соображений сказала о письме. Было обидно, что шеф держится отчужденно. Может, его «старуха» что-нибудь пронюхала и устроила скандал? Такую возможность не стоит сбрасывать со счета.

– Спасибо... – пробормотал Салахов и скрылся в своем кабинете.

Он подошел к столу и сразу увидел письмо. То, что оно оказалось без обратного адреса, неприятно поразило Юрия. По спине прокатился забытый холодок. Разрезая конверт, он почувствовал, как дрогнула рука.

На обыкновенной белой бумаге было напечатано следующее:

«Уважаемый Юрий Арсеньевич! Считаю своим долгом сообщить Вам о поведении Вашей супруги, которая позорит Вашу фамилию и наносит оскорбление Вашей чести и достоинству. При таком муже, как Вы, она позволяет себе иметь любовника, которого снабжает деньгами. Вашими деньгами! Подумайте, стоит ли женщина, которая так легко идет на измену и предательство, Вашего внимания и любви? Сердце кровью обливается, когда видишь подобный обман, которому не может быть прощения».

«Что это? – растерялся Юрий и бросил на стол письмо, как будто оно обожгло ему пальцы. – Продолжение старого кошмара? Или начало нового?»

Возможно, если бы не давняя история с анонимными угрозами и таинственной дамой, требующей у Салаховых неизвестно чего, это послание не произвело бы на Юрия такого гнетущего впечатления.

Снова письма! Все повторяется... Правда, здесь нет ни угроз, ни требований. Зато есть назойливое любопытство и желание досадить.

Салахов вспомнил, как девять лет назад, перед самым отъездом в Англию, ему позвонил Горин.

– Кто вы? – спросил Юрий.

После свадьбы он словно нырнул в глухой омут, где, кроме Анны, ничего не было. Дни летели стремительно и жар-

ко, как пустынный ветер, а ночи и того быстрее. Странно, но Юрий забыл, зачем вообще познакомился с Левитиной. Звонок Горина немного отрезвил его.

– Вы меня не узнаете? – возмутился пенсионер. – Сами приходили, расспрашивали про вашего дедушку...

– А-а! Горин! – спохватился Юрий. – Друг деда?

– Он самый, – обрадовался старик. – А то я подумал, вы уже не интересуетесь бумагами Платона.

– Какими бумагами? Вы же сказали, что у вас ничего нет?

Горин вздохнул, помолчал немного. Слышно было, как он тяжело дышит.

– Болею я... расхворался совсем. Возраст... Ну, и решил Платошины бумаги вам отдать. Хотя он и не велел.

– Почему не велел? – удивился Салахов.

– Я не так выразился. Перед смертью Платон пришел ко мне и попросил взять у него на хранение две тетради. Тут, говорит, история нашего рода и нашего безумия. Я ничего расспрашивать не стал, взял тетради и положил их на антресоли – спрятал, значит. Они были завернуты в пакет, а по краю заклеены. Выходит, Платон не желал, чтобы я их читал. Его воля для меня закон.

– Вы хотите сказать, что в тех тетрадях...

– Что в них, я не знаю. Не читал. Платон наказал мне хранить их и никому не показывать. А потом... если он умрет, то еще год тетради держать у себя. Пока кто-то из родственников о них не спросит.

– А если спросит?

– Тогда я должен их отдать.

– Я же вас спрашивал! – возмутился Юрий. – Почему вы меня обманули?

– Когда вы ко мне приходили, год еще не минул...

– Черт бы вас побрал, Горин!

Старик искренне, без тени обиды, расхохотался.

– Узнаю Салаховых! – сказал он. – Темпераментный вы, однако, Юрий Арсеньевич, в деда уродились. Что ж, это приятно. Приезжайте, заберите тетради. Может, в них что-то важное. Не зря Платоша их у меня оставил. Наверное, опасался чего-то. Или не хотел раньше времени вас тревожить. А теперь время пришло...

– Откуда вы знаете?

– Чувствую. На пороге смерти интуиция обостряется. – Горин усмехнулся. – Так придете?

– Конечно! Сегодня же заеду.

Юрий еле дождался вечера, чтобы увидиться с Гориным. Правда, старик оказался несловоохотливым. Он уже сообщил все, что хотел, по телефону.

– Я плохо себя чувствую, – заявил он. – Хочу лечь. Вот, возьмите, – он протянул Юрию тетради. – И прощайте!..

* * *

Кора Танг едва пристроила светлый «фольксваген» в про-

ходном дворе. На сиденье лежал морской бинокль, который она выпросила у Фариды. Частный детектив обошелся ей очень дорого, поэтому Кора решила, что следить за «меценаткой» может сама. Она не позволит какой-то избалованной, ошалевшей от скуки матроне отбить у нее Фариду. К тому же не мешает узнать, откуда у этой бабенки прорва денег. Скорее всего, она тайком обирает своего муженька...

Эти доллары не давали Коре покоя. Деньги сломали ее спортивную карьеру, разрушили ее честолюбивые мечты, она ненавидела их и одновременно страдала от их отсутствия. В ее голове блуждали смутные мысли о шантаже. Если источник «меценатки» не совсем чист или в ее жизни есть «темные пятна», Кора Танг установит истину. А потом придумает, как использовать добытые сведения.

Детектив показал ей дом, где жили Салаховы: комфортабельный особняк, отреставрированный, с консьержем, белым и черным мрамором в холле.

– Салаховы живут на втором этаже, – сказал детектив. – Их окна выходят во двор. За домом маленький парк с фонтаном. Кстати, жена Салахова в браке оставила свою девичью фамилию. Она Левитина.

Детектив сообщил Коре, когда примерно госпожа Левитина выходит из дому, во что бывает одета, какие у нее рост и фигура.

– Один раз увидите, больше не ошибетесь, – добавил он. – Дамочка обычно вызывает такси, что тоже является опозна-

вательным знаком. В этом доме у всех свои тачки, так что если подъезжает такси, можно быть почти уверенным, что в него сядет именно Левитина.

– У Салахова что, нет машины?

– Есть, и не одна.

– Тогда в чем дело?

Детектив пожал плечами.

– Думаю, она просто не хочет, чтобы муж знал, куда она ездит.

– Вы хоть раз проследили ее маршрут?

– У меня такого задания не было, – ответил сыщик. – Вы мне заплатили только за информацию о том, кто она, где живет, чем занимается.

На этом Кора распрощалась с детективом и взялась за дело сама. То, что она услышала, вдохновляло. Раз Левитина ездит на такси, значит, ей есть что скрывать.

Стоял на редкость теплый, ясный летний день. Утренний туман уже рассеялся, несколько воробьев, шумно чирикаая, купались в пыли у самых колес «фольксвагена».

Кора погрузилась в свои раздумья и чуть не пропустила, как к дому, за которым она наблюдала, подъехало такси. Какая удача! В первый же день ей повезло! Она сняла темные очки и поднесла к глазам бинокль.

В особняке был только один подъезд. Из него, не спеша, вышла женщина в светлой длинной юбке, просторной белой блузке и шляпе. Мягкие, широкие поля шляпы закрывали

лицо, и Коре не удалось как следует рассмотреть даму. Судя по описанию, это Левитина. Мелькнули белые туфли, когда дама садилась на переднее сиденье, и такси тронулось с места.

Времени на колебания и раздумья не оставалось. Кора Танг выехала на дорогу, пропустила вперед одну машину, как ее учил детектив, и поехала за желтым такси. Она была не очень хорошим водителем и постоянно ерзала от страха, что потеряет объект. У нее вспотели ладони, сильно билось сердце. «Чего я так нервничаю? – злилась она, стараясь не выпускать из виду такси. – Не сегодня, так завтра, но я узнаю, куда ездит эта сексуально озабоченная старуха». И тут Кору осенило. «Старуха» слишком молодо выглядела! По словам сыщика, ей было пятьдесят с хвостиком, а по виду... от силы лет тридцать. Возраст выдает не только лицо, которое скрывала шляпа: это и походка, и осанка, и манера одеваться, и многое другое, неуловимое, что безошибочно позволяет отличать молодость от зрелости. Хотя... при современных ухищрениях можно и в пятьдесят выглядеть неплохо.

А может, это не она? Кора засомневалась. Но одежда подходит под описание, опять же такси... Нет! Скорее всего, в машину села все-таки Левитина.

Кора Танг выследила, куда направляется дама. Это оказалось до банальности просто и совсем не таинственно. Такси остановилось у «Самсона», одного из агентств по недвижимости. Дама вышла и скрылась за массивной дверью с огром-

ной, до блеска начищенной медной ручкой. Такси проехало немного вперед и припарковалось. Из приоткрытого окна высунулась рука водителя с сигаретой, стряхивающая пепел. Видимо, он устроился ждать пассажирку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.